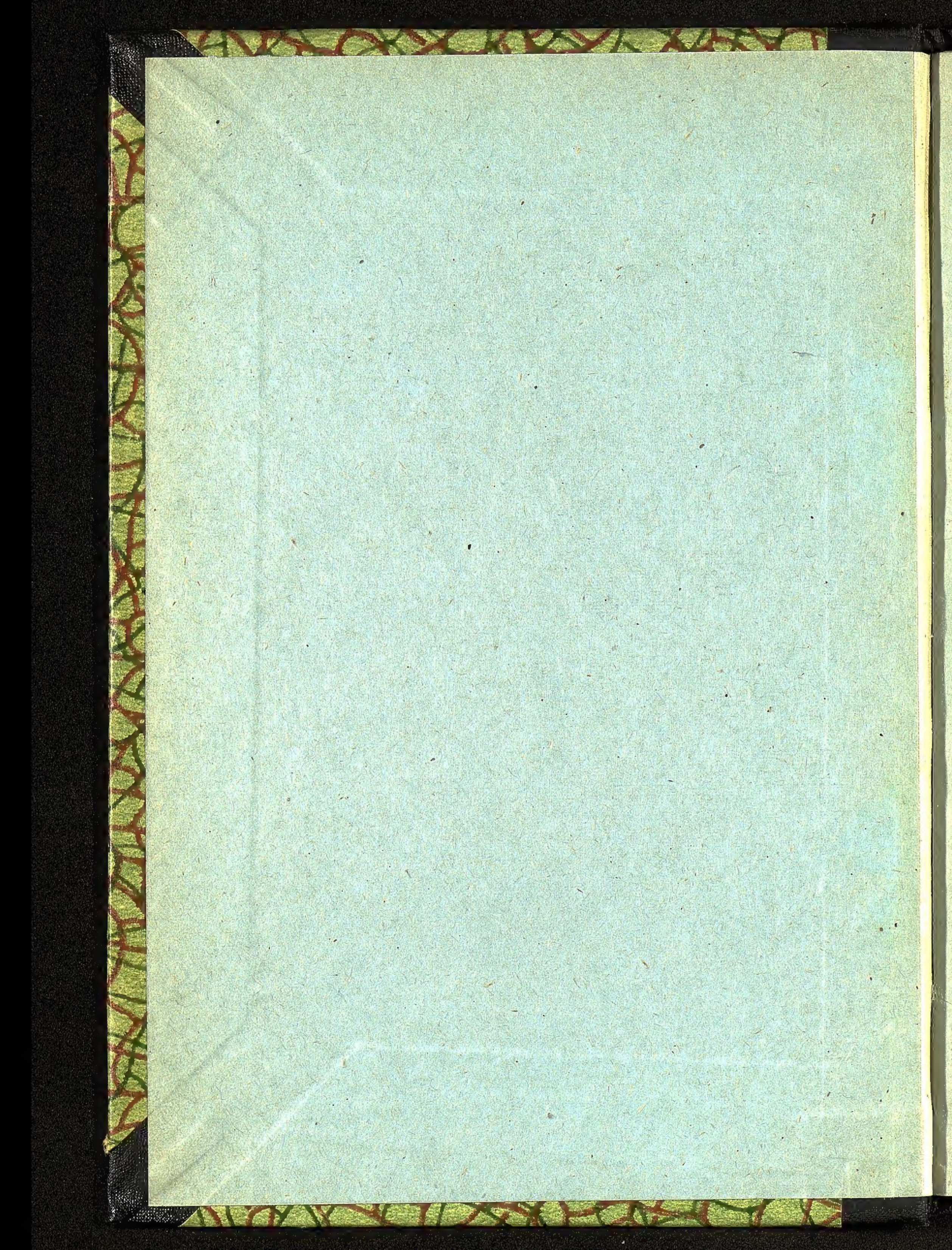

В. П. Гайдебуровъ.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ТѢСНОТА, РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ и КООПЕРАЦІЯ.

Первое изданіе.

Издательство Кооперативныхъ Союзовъ „КООПЕРАЦІЯ“.
Петроградъ, Литейный 49, кв. 8. Тел. 168-11.
1917 г.

На складѣ имѣются полные комплекты счетоводныхъ книгъ и бланокъ для потребительскихъ Обществъ кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ по форматамъ М. С. П. О. и Главн. Упр. по дѣл. мелк. кр.

Издательствомъ организованъ отдѣлъ соціально-политической народной литературы къ текущему моменту при чемъ книги и брошюры принимаются на складъ особой редакціонной межпартійной коллегіей и по направленію своему соотвѣтствующему программѣ Совѣтовъ Крест. Раб. и Солд. Деп.

Издательство принимаетъ на себя составленія примѣрныхъ библіотекъ на разныя суммы начиная съ 3 рублей. Необходимо указывать для кого составляется библіотека и по какимъ вопросамъ. За первые 5 мѣсяцевъ революціи Издательствомъ подобраны более 500 разныхъ библіотекъ для кооперативныхъ и иныхъ общественныхъ организацій на сумму более 500,000 рублей.

Издательство принимаетъ заказы на различныя типографскія работы, на штемпеля и печати для кооперативныхъ и общественныхъ учрежденій.

В. П. Гайдебуровъ.

Земельная тѣснота, раздѣлъ земли и кооперація.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Стр.

Русское крестьянство чувствуетъ земельную тѣсноту. Земли мало, чтобы сносно обезпечить семью земледѣльца необходимымъ доходомъ. Приходится думать о томъ, какъ выйти изъ такого тяжелаго положенія и поднять благосостояніе трудового земледѣльческаго населенія. Долго задумываться надъ этимъ не приходится. Тутъ же, рядомъ съ крестьянской землей, нарѣзанной по дворамъ мелкими лоскутами, находятся сотни десятинъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ помѣщикамъ, дворянамъ, купцамъ или богатымъ крестьянамъ, которые сами обработать своихъ имѣній никакъ не могутъ и должны нанимать себѣ на работу тѣхъ-же крестьянъ, которымъ не хватаетъ своей надѣльной земли. Земля и ея работникъ, такимъ образомъ, непремѣнно сходятся, соединяются другъ съ другомъ,—но соединяются нетолько вдвоемъ. Вмѣстѣ съ ними оказывается еще и нѣкто третій, стоящій между ними и мѣшающій имъ соединиться вплотную. Земля не можетъ отдать земледѣльцу всего продукта, которымъ она воздаетъ за вкладываемый въ нее трудъ. Часть этого продукта отходитъ къ этому третьему, къ землевладѣльцу. Если крестьянинъ обрабатываетъ помѣщичью землю за плату, какъ наемный рабочій, въ пользу владѣльца отходитъ чистый доходъ отъ продажи продуктовъ, за покрытіемъ заработной платы и прочихъ расходовъ. Если-же крестьянинъ арендуетъ помѣщичью землю, то изъ ея продукта къ владѣльцу отходитъ арендная плата, деньгами или натурой,—снопами, сѣномъ.

За что? За право собственности на землю. За это право владѣлецъ заплатилъ деньги. Эти деньги остаются собствен-

ностью владѣльца и должны давать свой доходъ. А такъ какъ деньги для владѣльца превратились въ землю, то и доходъ превратился въ доходъ отъ земли.

Въ понятіяхъ русскаго крестьянства давно уже укрѣпилось то убѣжденіе, что деньги могутъ и должны быть собственныя у каждаго человѣка, какимъ бы трудомъ онъ ихъ ни зарабатывалъ, но что земля собственною быть не можетъ и за деньги ее купить нельзя. Землю никто не сдѣлалъ, какъ сдѣланы другія вещи. Земля подобна водѣ, воздуху и солнцу, которые даны всѣмъ людямъ въ общее свободное пользованіе, одинаковое для всѣхъ. Поэтому каждый желающій можетъ обрабатывать землю, сколько ему нужно и сколько онъ можетъ обработать, не спрашивая для этого ничьего разрѣшенія и никому ничего за это не платя.

Иначе сказать: надо уничтожить право собственности на землю. Надо сдѣлать землю общею, принадлежащею всѣмъ и находящеюся въ пользованіи трудящихся земледѣльцевъ.

Такъ думаетъ большинство русскаго крестьянства Совершенно такъ-же думаютъ и тѣ ученые друзья трудового народа, нетолько русскіе, но и иностранные, которые называются „соціалистами"*). Въ убѣжденіи русскаго крестьянства ничего новаго нѣтъ. И если-бы было очень просто отобрать у помѣщиковъ землю, приписать ее къ крестьянскимъ обществамъ и подѣлить по земледѣльческимъ дворамъ, то ужъ это давнымъ давно было бы сдѣлано въ другихъ странахъ, въ которыхъ вся власть давно уже находится въ рукахъ всего народа и гдѣ никто не можетъ помѣшать народу поступить такъ, какъ онъ желаетъ. Однако до сихъ поръ нигдѣ еще земельная собственность не уничтожена и земля не роздана въ пользованіе всѣмъ желающимъ. Очевидно есть въ этомъ дѣлѣ какія то большія трудности и препятствія. И для того чтобы дѣйствительно достигнуть раздѣла земли, и чтобы отъ этого раздѣла не

---

*) Соціалистами они называются отъ латинскаго слова „соціалисъ", что значитъ „общественный". Они хотятъ сдѣлать землю (и не одну только землю) общею, т. е. „соціализировать" ее.

вышелъ-бы одинъ только обманъ и горькое разочарованіе, необходимо непремѣнно эти трудности преодолѣть или устранить. Иначе сколько ни уничтожай собственность и сколько землю ни дѣли, а толку все равно не выйдетъ.

Для того чтобы понять, въ чемъ трудности справедливаго и равнаго для всѣхъ раздѣла земли, которыя необходимо преодолѣть, нужно ясно понять: откуда является право земельной собственности, которое требуется уничтожить, и что такое въ дѣйствительности земельная тѣснота или малоземелье.

I.

О земельной собственности и земельныхъ трудностяхъ.

Если-бы земля была дѣйствительно подобна воздуху или солнцу, то земельной собственности никогда-бы и не возникло. Несмотря на то, что ни воздухъ, ни солнце далеко не одинаково благосклонны къ различнымъ людямъ, собственности на нихъ однако не возникло. Это только кажется, что для солнца и воздуха всѣ люди равны и каждый можетъ пользоваться ими сколько хочетъ. Въ дѣйствительности совсѣмъ не то, и существуетъ самое тяжелое неравенство. Въ однихъ мѣстностяхъ солнце жаркое и его много большую часть года, и тамъ жить легче и дешевле, нужно меньше труда на жилище, топливо, освѣщеніе и одежду, и природа даетъ больше своихъ произведеній. Въ другихъ—солнца мало и свѣтитъ и грѣетъ оно слабѣе, и жизнь оказывается болѣе тяжелой и дорогой.

То-же и воздухъ.

Въ однѣхъ мѣстностяхъ воздухъ чистый, сухой, здоровый, дѣлаетъ человѣка бодрымъ и крѣпкимъ, а въ другихъ—гнилой, сырой, нездоровый. Есть мѣстности, гдѣ земля ровно ничего не стоитъ, вѣчно покрыта снѣгомъ,—напр. въ горахъ Швейцаріи,—но воздухъ тамъ такой живительный и

цѣлебный, что именно воздухъ создаетъ всю доходность и цѣнность земли. И однако права собственности на воздухъ не возникло.

А на землю возникло.

Почему?

Потому, вопервыхъ, что качество земли еще гораздо болѣе различно, чѣмъ качество воздуха, да еще именно къ землѣ прикладывается все различіе качества и воздуха, и солнца, и воды (какъ орошенія и какъ пути сообщенія).

Потому, во-вторыхъ, что солнца и воздуха всегда хватитъ на всѣхъ, какъ-бы тѣсно земля ни населилась людьми. А сама земля не резинка, чтобы растягиваться по мѣрѣ размноженія людей, и ея не всегда на всѣхъ хватаетъ, особенно въ солнечныхъ и плодородныхъ мѣстахъ, куда всѣ стараются тянуться.

И, наконецъ, въ третьихъ, потому, что грѣться на солнцѣ или дышать воздухомъ труда не составляетъ. А земля безъ труда не даетъ ничего или очень мало. Надо вложить въ землю трудъ нетолько для того, чтобы собрать урожай. Надо предварительно вложить въ нее особый трудъ еще для того, чтобы сдѣлать ее удобной для земледѣлія, чтобы расчистить ее, осушить, выкорчевать, поднять новь. Каждый трудъ, вкладываемый въ землю, если онъ хозяйственный, а не хищническій, не весь возвращается съ урожаемъ, но частью остается и на слѣдующіе годы, и такимъ улучшающимъ землю трудомъ она постепенно дѣлается и болѣе плодородной и требующей болѣе легкаго труда впослѣдствіи.

По этимъ тремъ причинамъ возникаетъ земельная собственность. Какъ возникаетъ—уже само собой понятно. Тамъ, гдѣ земли много, гдѣ она мало пригодна для земледѣлія и гдѣ еще не приготовлена для него—она и сейчасъ доступна всякому желающему. Она или ничего не стоитъ, или стоитъ ничтожныхъ денегъ—полтинникъ, рубль за десятину. Бери кто хочетъ, паши гдѣ хочетъ. Такъ напр. на сѣверѣ Россіи. Но очень немногіе хотятъ, несмотря даже на свое безземелье. Слишкомъ большой трудъ надо вкладывать, и слишкомъ мало за него получить. А тамъ, куда всѣ тѣснятся, надо спихнуть съ земли кого-нибудь другого,

чтобы самому занять его мѣсто. Понятно, что это можно сдѣлать только или насильемъ, захватомъ, или деньгами. За деньги можно склонить земледѣльца уступить свое мѣсто на землѣ, а самому пойти заняться торговлей или другимъ занятіемъ, болѣе легкимъ, а иногда и болѣе прибыльнымъ, чѣмъ земледѣліе. Если склонить деньгами нѣсколькихъ земледѣльцевъ уступить свои трудовые участки и перейти на другія занятія, то вотъ уже въ рукахъ пріобрѣтателя—имѣніе, которое ему самому никакъ не обработать. Возникаетъ собственность на землю, превышающая трудовую мѣру. Помѣшать такому возникновенію собственности можно однимъ способомъ: частыми передѣлами (переверстками, равненіями) земли по душамъ—трудовымъ или ѣдокамъ. Но тутъ является другая трудность.

Въ русскомъ общинномъ землепользованіи передѣлы земли стали выходить изъ употребленія. Съ тѣхъ поръ, какъ качество обработки земли стало повышаться хотя и въ малой мѣрѣ, все же стало возникать чувство трудовой собственности. Земледѣлецъ на свой надѣлъ успѣлъ произвести различныя затраты, вложилъ въ него много труда. Его поле улучшилось. Лѣнивый, нерадивый или неумѣлый хозяинъ, не улучшающій своего поля, заглядывается на улучшенное поле сосѣда и радъ потребовать передѣла по измѣнившемуся числу душъ. Но хорошему хозяину не хочется отдавать плоды своего труда, и онъ чувствуетъ, что его поле къ нему уже прикрѣпилось. Многіе съ этой цѣлью выходятъ на отруба или обзаводятся хуторами, именно для того чтобы смѣлѣе вкладывать въ землю улучшающій трудъ, удобрять ее, заводить многолѣтнее травосѣяніе и т. п., въ твердой вѣрѣ, что земля уже укрѣплена „на вѣчность" и никто отнять ее не можетъ. Безъ вознагражденія, безъ денежнаго выкупа онъ сойти съ такой земли низачто не согласится. Да и съ выкупомъ уйдетъ очень неохотно и только по какой нибудь необходимости.

Такъ возникаетъ и развивается земельная собственность. Чтобы ее уничтожить, надо сдѣлать это умно и обдуманно, иначе ничего не выйдетъ. Уничтоженная собственность возникнетъ снова. И возникнетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе

послѣ раздѣла снова начнутъ слышаться жалобы на земельную тѣсноту.

А что-же такое эта земельная тѣснота, которая вызываетъ необходимость раздѣла?

Если-бы не было земельной тѣсноты, то конечно никто-бы не помышлялъ ни о раздѣлѣ, ни объ уничтоженіи земельной собственности. На сѣверѣ Россіи, гдѣ земли много, такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Собственность тамъ никому не мѣшаетъ, и никому не приходитъ въ голову ее уничтожить. И никто не желаетъ никакого раздѣла.

Земельная тѣснота есть на самомъ дѣлѣ малая производительность земельнаго труда, малая его доходность. Малая производительность земледѣльческаго труда узнается по двумъ признакамъ: 1) Земледѣлецъ никакъ не можетъ вложить въ свою землю все свое рабочее время. У него остается свободное время, которое ему некуда употребить съ пользой и которое ему хотѣлось-бы приложить къ землѣ. И 2) Получаемый отъ земледѣлія продуктъ переложенный на деньги, невполнѣ обезпечиваетъ земледѣльцу удовлетвореніе потребностей его и его семьи и не даетъ остатка на черный день.

Эти два признака малоземелья чрезвычайно важны. Они очень важны потому, что если о нихъ забыть, то можетъ случиться такъ, что при раздѣлѣ земли земледѣлецъ будетъ переобремененъ, и дохнуть ему будетъ некогда, и на работу никакихъ силъ не хватитъ, а между тѣмъ доходность его хозяйства окажется ничтожною, и изъ бѣдственной нищеты онъ никакъ не выберется. Какимъ образомъ это можетъ случиться? Чрезвычайно просто. Малой урожайностью земли и обезцѣненіемъ ея продуктовъ.

И то и другое можетъ случиться очень легко и наступить при совершенно опредѣленныхъ условіяхъ, которыя предвидѣть не трудно. И если ихъ не предвидѣть и не предупредить, то можетъ выйти такъ, что раздѣлъ земли приведетъ къ самымъ неожиданнымъ и потрясающимъ послѣдствіямъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, какія желательны.

Цѣль всякаго земледѣльца—не въ томъ, чтобы охватить своимъ трудомъ какъ можно больше земли, а въ томъ, чтобы при наименьшей затратѣ труда получить наиболѣе выгоды, и чтобы хватило земли во всю мѣру силы для такого именно наиболѣе выгоднаго труда. Для того-же, чтобы трудъ былъ дѣйствительно выгоденъ, необходимо, вопервыхъ, чтобы этотъ трудъ на маломъ пространствѣ создавалъ обильный сборъ, и вовторыхъ—чтобы собранный продуктъ высоко цѣнился на рынкѣ и, черезъ высокую денежную цѣну, приносилъ земледѣльцу обилье чужихъ издѣлій, вымѣниваемыхъ имъ на свой продуктъ.

Урожайность земли падаетъ, когда земля обрабатывается несвоевременно или небрежно. Обработка земли можетъ быть наилучшею („интенсивною"), когда у земледѣльца участокъ не великъ. По мѣрѣ увеличенія поля обработка неминуемо ослабляется. До нѣкотораго предѣла она можетъ оставаться хорошей, но сверхъ этого предѣла неминуемо сдѣлается небрежной, „кое-какъ", лишь-бы какъ нибудь поспѣть, а то и прямо запоздалой. Большія поля выгодны только при достаточномъ числѣ рабочихъ и при машинной обработкѣ. Зато при хорошихъ машинахъ, недоступныхъ для мелкаго единоличнаго хозяйства, сравнительно небольшое число рабочихъ можетъ превосходно обработать (притомъ съ малымъ трудомъ) большое поле, сдѣлавъ совершенно ненужными и лишними для земли много рабочихъ рукъ, которымъ пришлось-бы съ трудомъ справляться съ тѣмъ же полемъ по небольшимъ его частямъ.

Значитъ, вотъ первая большая опасность, которую надо предвидѣть и предупредить: паденіе урожайности вслѣдствіе плохой обработки. Уже теперь, при малой величинѣ крестьянскихъ полей, крестьянская урожайность на 75 процентовъ ниже помѣщичьей. Очень опасно, чтобы при увеличеніи надѣльныхъ полей эта урожайность не понизилась еще больше: крестьянская работа, разбросанная на большее пространство, станетъ еще болѣе торопливой и небрежной. Нѣчто подобное уже случилось теперь, въ 1917 году. По свѣдѣніямъ министерства финансовъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне увлеклись самовольными захватами помѣ-

щичьей земли, несмотря на получившееся такимъ образомъ увеличенiе крестьянскихъ запашекъ, урожай сталъ ожидаться худшiй, чѣмъ крестьянскiй-же урожай прошлаго года. Тутъ ужь потеря получается двойная: и на трудѣ, и на прибыли. Земля увеличилась, а толкъ получился обратный—труда расходуется больше, а доходу получается меньше. Такое многоземелье для всякаго хуже малоземелья. Потому-что лучше и работать меньше и доходу получать больше.

Такова первая опасность.

Вторая опасность—обезцѣненiе продукта. Продуктъ можетъ получиться и въ большомъ, увеличенномъ количествѣ а прибыли не дать никакой. Это можетъ случиться прежде всего отъ плохого качества самаго зерна. Но еще обиднѣе, когда нетолько продукта много, но и зерно хорошаго качества, а цѣна всетаки падаетъ и не даетъ прибыли, сводя полученное многоземелье опять на ту-же прибыль, какая была и при малоземельѣ. Какъ это ни странно и обидно, а случиться можетъ очень легко, если этого во-время не остеречься.

Первой причиной такого паденiя цѣны бываетъ именно то, что радуетъ земледѣльца: хорошiй урожай, обилiе продукта. Хлѣба много, предложенiе обильное, цѣна падаетъ. Но эта опасность становится еще гораздо болѣе сильною въ томъ случаѣ, когда къ этому обильному предложенiю присоединяется еще другая бѣда: уменьшенiе спроса. А уменьшенiе спроса непремѣнно получается тогда, когда меньшему числу людей приходится покупать себѣ хлѣбъ, т. е. когда увеличилось число тѣхъ, кто имѣетъ достаточно своего собственнаго хлѣба и въ покупкѣ его не нуждается, и только немногiе своего собственнаго хлѣба не имѣютъ и покупаютъ его у другихъ. Въ подобномъ случаѣ цѣна хлѣба становится ничтожной, сбыта ему нѣтъ, и при самой большой землѣ, вложивъ въ нее огромнѣйшiй, самый тяжелый трудъ, земледѣлецъ хотя и прокормится и сохранитъ даже запасы продукта, но будетъ чувствовать самую тяжелую нужду въ деньгахъ и во всемъ томъ, что надо покупать за деньги.

Оказывается, что для земледѣльца выгодно, чтобы

какъ можно меньше людей занимались сельскимъ хозяйствомъ и слѣдовательно обладали собственнымъ хлѣбомъ, и чтобы какъ можно больше было такихъ людей, которые занимаются какимъ-нибудь другимъ, не земледѣльческимъ трудомъ, чтобы такимъ людямъ земледѣлецъ могъ выгодно продавать избытокъ своего хлѣба, покупая у нихъ нужныя ему другія издѣлія. Чѣмъ меньше народа занимается земледѣліемъ, чѣмъ больше рабочихъ рукъ отвлекается отъ земледѣлія къ другимъ полезнымъ промысламъ, тѣмъ выгоднѣе для всѣхъ, въ томъ числѣ и для земледѣльца.

Если-бы напримѣръ подѣлить землю рѣшительно между всѣми гражданами государства, притомъ поровну, то продавать хлѣбъ стало-бы рѣшительно некому, и положеніе получилось-бы для земледѣльца убійственное. Хлѣбъ у каждаго былъ-бы свой, никому хлѣба было-бы ненужно, и съ хлѣбомъ стало-бы то-же самое что съ воздухомъ: онъ не имѣлъ-бы никакой цѣны, его нельзя было-бы продать и за него нельзя было-бы ничего купить. Пришлось-бы вернуться къ самымъ древнимъ временамъ, обходиться въ жизни только такими вещами, которыя земледѣлецъ самъ себѣ смастеритъ. Обуваться въ лапти, одѣваться въ домотканныя матеріи, освѣщать лучиной, ѣсть самодѣльными деревянными ложками, обрабатывать землю самодѣльными деревянными сохами. Потому-что не на что было-бы купить того, что нужно. Единственнымъ спасеніемъ было-бы расчитывать на отпускную торговлю хлѣбомъ заграницу, въ надеждѣ, что заграницей не хватало-бы собственнаго хлѣба, пока тамъ не надоумились-бы тоже подѣлить всю землю поровну на всѣхъ.

Этой опасности—чтобы рѣшительно всѣ обитатели Россіи вернулись къ земледѣльческому труду—пока еще конечно нѣтъ; но есть нѣчто близкое къ ней. Сельскимъ хозяйствомъ у насъ занята сейчасъ огромнѣйшая часть населенія—около 85 процентовъ *). Только 15 процентовъ,

---

*) У насъ считается 75 процентовъ собственно земледѣльческаго населенія, т. е. сидящаго на землѣ, и около 12 процентовъ сельскаго безземельнаго населенія, большая часть котораго работаетъ на землѣ-же въ качествѣ батраковъ.

немного болѣе седьмой части всего населенія, занимаются всѣми другими промыслами: торговлей, разработкой нѣдръ земли, фабричнымъ и заводскимъ дѣломъ, всевозможными ремеслами, государственной и общественной службой и свободнымъ умственнымъ трудомъ. Это уже слишкомъ ничтожная часть населенія, ничтожность которой сама по себѣ есть бѣдствіе для страны. Въ этой ничтожности всѣхъ видовъ труда кромѣ земледѣльческаго содержится главнѣйшая причина земельной тѣсноты не только потому, что на землѣ сидитъ слишкомъ много людей, которые тѣснятъ другъ друга, но еще болѣе потому, что внутренній сбытъ хлѣба слишкомъ малъ и потому хлѣбъ слишкомъ обезцѣнивается. На своемъ нынѣшнемъ надѣлѣ, съ нынѣшней своей затратой труда земледѣлецъ долженъ-бы получать вдвое или втрое больше дохода, чѣмъ онъ получаетъ теперь, и если-бы онъ этотъ слѣдуемый доходъ дѣйствительно-бы получалъ, то и при нынѣшней величинѣ надѣловъ никакого малоземелья не существовало-бы, потому-что земледѣлецъ чувствовалъ бы себя обезпеченнымъ хорошимъ доходомъ и трудъ его былъ-бы въ то-же время и не обременителенъ и выгоденъ. Въ Америкѣ сейчасъ пудъ пшеницы стоитъ 6 рублей, а у насъ и мука-то стоитъ менѣе 5 рублей пудъ. Вотъ сколько недополучаетъ нашъ земледѣлецъ до дѣйствительной стоимости своего продукта. А недополучаетъ именно потому, что въ Америкѣ очень много всякаго рода рабочихъ, покупающихъ хлѣбъ и продающихъ обиліе другихъ продуктовъ, которые по большому своему числу не могутъ слишкомъ вздорожать и обезцѣнить хлѣбъ. А у насъ слишкомъ много земледѣльцевъ и слишкомъ мало другихъ рабочихъ. Хлѣбъ слишкомъ дешевъ—онъ немногимъ нуженъ,—а другія издѣлія дороги, потому-что спросъ на нихъ большой, а предложенія мало.

Бездарность и неумѣлость нашего царскаго правительства въ томъ между прочимъ и проявилась, что при нынѣшнемъ господствѣ денежнаго хозяйства оно сохранило Россію въ видѣ только сельско-хозяйственной страны и не сумѣло отвлечь лишнія рабочія руки отъ земли къ другого

рода промышленности. Черезъ это оно поставило все благосостояніе населенія въ зависимость отъ заграничнаго спроса на русскій хлѣбъ и этимъ прежде всего создало земельную тѣсноту.

Посмотрите, какъ страшно невыгодно распредѣляется на земледѣльцевъ земля только по той одной причинѣ, что земледѣльческаго населенія въ странѣ слишкомъ много сравнительно съ не земледѣльческимъ.

При правильномъ распредѣленіи населенія по занятіямъ въ Россіи былъ-бы самый большой земельный просторъ среди всѣхъ другихъ странъ, кромѣ одной только Норвегіи, потому-что по числу всѣхъ жителей на квадратную версту Россія занимаетъ самое послѣднее мѣсто, за исключеніемъ только Норвегіи.

На одну квадратную версту приходится всѣхъ жителей:

Въ Бельгіи	273,1	чел.
„ Голландіи	177,2	„
„ Англіи	157,9	„
„ Италіи	132,2	„
„ Германіи	127,7	„
„ Австро-Венгріи	85,6	„
„ Франціи	83,1	„
„ Даніи	20,5	„
„ Швеціи	13,6	„
„ Соединенныхъ Штатахъ Америки	10,9	„
„ Россіи	9,3	„
„ Норвегіи	8,1	„

Это значитъ, что на каждаго человѣка въ Россіи земли приходится въ 29 разъ больше, чѣмъ въ Бельгіи, въ 16 разъ больше, чѣмъ въ Англіи, въ 13 разъ больше, чѣмъ въ Германіи, въ 9 разъ больше, чѣмъ во Франціи. Даже въ Даніи земли въ два слишкомъ раза меньше чѣмъ въ Россіи, даже въ просторной, малонаселенной Швеціи земли въ полтора раза меньше на каждаго человѣка, чѣмъ въ Россіи, и даже въ Сѣверной Америкѣ, съ ея безграничными про-

сторами, земли на человѣка приходится все-же меньше, чѣмъ въ Россіи. А земельная тѣснота чувствуется всего острѣе именно въ Россіи. Почему?

Потому, прежде всего, что плохо распредѣлено населеніе по различнымъ занятіямъ, или проще сказать—потому, что всѣ напираютъ на одну только землю и почти ничѣмъ другимъ не занимаются. И вотъ что выходитъ. Посмотрите, сколько въ разныхъ странахъ приходится удобной земли на одного человѣка всего населенія, и сколько приходится той-же земли на одного человѣка земледѣльческаго населенія:

Удобной земли безъ лѣса приходится на 1 человѣка*)

	Всего населенія, десятинъ:	Земледѣльческаго населенія, десятинъ:
Въ Канадѣ	2,2	4,60
„ Соединенныхъ Штатахъ Америки	2,1	4,40
„ Болгаріи	2,05	2,82
„ Россіи	2,01	2,59
„ Испаніи	1,30	1,80
„ Даніи	1,03	2,70
„ Швеціи	0,92	1,22
„ Франціи	0,82	1,81
„ Венгріи	0,73	0,96
„ Австріи	0,68	1,26
„ Германіи	0,62	1,01
„ Италіи	0,62	1,95
„ Великобританіи	0,48	2,82
„ Бельгіи	0,28	1,31

Что-же оказывается? Что благодаря отвлеченію отъ земли всѣхъ лишнихъ рабочихъ рукъ земледѣлецъ въ наиболѣе населенныхъ странахъ—въ Канадѣ, Соединенныхъ Штатахъ, Даніи, Франціи, Австріи—имѣетъ болѣе чѣмъ

*) Этотъ разсчетъ я взялъ у Петра Маслова, „Аграрный вопросъ въ Россіи“, т. I стр. 203—204.

вдвое больше земли, чѣмъ сколько-бы онъ имѣлъ, если-бы всѣ занимались земледѣліемъ. Въ Германіи—втрое больше, въ Бельгіи—почти въ пять разъ больше, а въ Англіи—почти въ шесть разъ больше, чѣмъ сколько земли приходится на каждаго жителя.

Это значитъ, что если-бы въ Россіи занятія между жителями были распредѣлены такъ-же, какъ въ Америкѣ или во Франціи, то у всѣхъ земледѣльцевъ было-бы одной только удобной земли около 4½ десятинъ на душу. Если-бы такъ, какъ въ Германіи—то по 6 десятинъ, если-бы такъ, какъ въ Бельгіи—то почти по 10 десятинъ, а если-бы такъ, какъ въ Англіи—то почти по 12 десятинъ.

Россія для земледѣльцевъ была-бы не то что самой просторной страной въ мірѣ, но еще и такой просторной, съ которой никакая другая страна не могла-бы идти и въ сравненіе. И это отъ одного только развитія промышленнаго труда.

Но можетъ-быть этому помѣшало-бы частное землевладѣніе? Можетъ-быть весь этотъ просторъ оказался-бы въ рукахъ помѣщиковъ, а земледѣльцы попрежнему сидѣли-бы на 1½—2 десятинахъ?

Опять-же и это не такъ. Помѣщичье землевладѣніе занимаетъ въ Россіи меньшее мѣсто, чѣмъ въ другихъ странахъ, и слѣдовательно меньше чѣмъ въ другихъ странахъ причиняетъ земельную тѣсноту. Въ Англіи вся земля принадлежитъ крупнымъ землевладѣльцамъ, и крестьяне только арендуютъ у нихъ отдѣльные участки. Въ Пруссіи крупнымъ и среднимъ землевладѣльцамъ принадлежитъ около десяти десятыхъ всей земли. Больше половины всей земли принадлежитъ среднему землевладѣнію и въ Америкѣ, а во Франціи крупнымъ землевладѣльцамъ—почти половина, Между тѣмъ въ Россіи крестьянскихъ надѣловъ, товарищеской и общественной крестьянской земли, а также мелкой собственности (не болѣе 50 десятинъ) всего около 170 милліоновъ десятинъ, а прочаго средняго и крупнаго землевладѣнія не болѣе 70 милліоновъ десятинъ, т. е. въ два съ половиной раза меньше, чѣмъ мелкаго, трудового. Такъ что распредѣленіе земли гораздо болѣе выгодно для зем-

ледѣльцевъ въ Россіи, чѣмъ въ другихъ странахъ. И при всемъ томъ—у насъ земельная тѣснота.

Около пятой части всей земли въ Россіи—неудобная земля, больше трети—лѣсу, а пахотная земля составляетъ только четверть всего пространства, да и изъ нея цѣлая треть лежитъ подъ паромъ, т. е. непроизводительно. А въ Германіи неудобной земли почти вовсе нѣтъ, лѣса—четверть всего пространства, а половина его—пахотная земля, которая вся находится подъ посѣвомъ. Такъ-что въ Германіи подъ посѣвомъ находится половина всей земли, а въ Россіи—только одна шестая часть. Такая очевидная тѣснота происходитъ отъ малой величины запашекъ и отъ существованія парового поля.

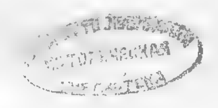
Средняя величина надѣла въ Россіи около 10 десятинъ на дворъ, а дворовъ, имѣющихъ менѣе 5 десятинъ—всего одна десятая часть всѣхъ хозяйствъ. Но въ Ирландіи болѣе трети всѣхъ хозяйствъ—именно такой малой величины, въ Англіи—болѣе половины, во Франціи и въ Германіи—около трехъ четвертей, а въ Бельгіи—даже девять десятыхъ. Величина хозяйствъ въ Россіи — гораздо болѣе выгодная, чѣмъ въ другихъ странахъ, и не будь другихъ причинъ, то о малоземельѣ у насъ нельзя было - бы и говорить. Всѣ крестьяне всего міра могли-бы только завидовать русскимъ крестьянамъ.

Но при этихъ видимыхъ преимуществахъ положенія русскаго крестьянина, урожайность русскаго крестьянскаго хозяйства поразительно плоха. Она въ два съ половиной раза меньше урожайности во Франціи и Германіи, въ четыре раза меньше урожайности въ Англіи. Отъ малой величины посѣвной площади и отъ плохой урожайности—отъ однѣхъ только этихъ причинъ—русскій крестьянинъ, имѣющій столько-же земли, сколько нѣмецкій, получитъ въ пять разъ меньше дохода, чѣмъ нѣмецкій крестьянинъ. Это не считая разницы въ цѣнѣ продукта, которая въ Россіи ниже, чѣмъ гдѣ-либо. Причемъ повсюду урожайность изъ года въ годъ повышается, а въ Россіи—падаетъ, какъ падаетъ и самое количества засѣва, по разсчету на число душъ сельскаго населенія.

И нетолько очень низка урожайность въ Россіи сравнительно съ другими странами, но и въ отдѣльныхъ частяхъ Россіи она очень различна, становясь все болѣе низкой по мѣрѣ движенія въ глубь Россіи. Въ Польшѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ 1 десятина даетъ сбора зерновыхъ хлѣбовъ 60,5 пудовъ, въ западно-русскихъ областяхъ — 52,8 пуда, въ центральныхъ губерніяхъ — 45,5 пуд., а въ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ — 42,1 пуда. А между тѣмъ эти наименѣе урожайныя губерніи — самыя плодородныя по землѣ и считаются житницами Россіи. Очевидно, причина неурожайности—не въ самой землѣ, а въ трудѣ, въ обработкѣ, въ способахъ веденія хозяйства. Но именно восточныя губерніи—самыя просторныя, въ нихъ самые большіе надѣлы (не считая губерній сѣверныхъ, нехлѣбородныхъ), въ которыхъ при надлежащей урожайности и при достаточномъ использованіи земли тѣснота совсѣмъ не должна-бы чувствоваться.

Вообще замѣчено (во всѣхъ странахъ), что хозяйство бываетъ тѣмъ болѣе интенсивнымъ (т. е. трудъ въ немъ тѣмъ болѣе производителенъ), а слѣдовательно и урожайнымъ, чѣмъ оно ближе къ городамъ (какъ мѣстамъ сбыта) и чѣмъ больше эти города требуютъ продуктовъ. Это подтверждается и на урожайности отдѣльныхъ мѣстностей Россіи. Именно отъ запада къ востоку уменьшается у насъ число городовъ и города становятся менѣе населенными. Какъ невыгодна для русскаго земледѣльца незначительность у насъ городского населенія сравнительно съ сельскимъ, видно изъ распредѣленія городского и сельскаго населенія въ различныхъ странахъ:

Въ Англіи	городского населенія	78,0%	а	сельскаго	22,0%
„ Норвегіи	„ „	72,0	„	„	28,0 „
„ Германіи	„ „	56,0	„	„	43,9 „
„ Соединен. Штатахъ	„ „	41,5	„	„	58,5 „
„ Франціи	„ „	41,2	„	„	58,8 „
„ Даніи	„ „	38,2	„	„	61,8 „
„ Голландіи	„ „	36,9	„	„	63,1 „

Въ Италіи городского населенія	26,4 %,	а сельскаго	73,6 %
„ Швеціи „ „	22,1 „	„	77,9 „
„ Венгріи „ „	18,8 „	„	81,2 „
„ Россіи „ „	15,0 „	„	85,0 „

Въ Россіи меньше всего городскихъ жителей и больше всего сельскихъ. Россія—страна въ шесть разъ болѣе деревенская, чѣмъ Англія, въ три съ половиной раза болѣе деревенская, чѣмъ Германія, и почти въ три раза болѣе деревенская, чѣмъ Франція или Соединенные Штаты. Выходитъ, что рабочихъ рукъ прикладывается къ землѣ непомѣрно много, съ слишкомъ большимъ излишкомъ, и урожайность нетолько не соотвѣтствуетъ этому излишку, а напротивъ—непомѣрно мала. Вотъ эта ничтожная доходность земледѣлія на каждую рабочую земледѣльческую душу и есть настоящая земельная тѣснота, не связанная съ дѣйствительнымъ недостаткомъ или обиліемъ земли.

Такъ это стоитъ теперь. Но что-же будетъ тогда, когда вся земля будетъ поравнена на всѣхъ земледѣльцевъ и на всѣхъ безземельныхъ, какъ занимающихся земледѣліемъ въ качествѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, такъ и тѣхъ, которые захотятъ получить землю и хозяйствовать. Тогда, пожалуй, останется одно: скорѣй бѣжать съ земли безъ оглядки, подальше и куда глаза глядятъ Такъ какъ получить землю будетъ очень пріятно (вѣдь земля есть во всякомъ случаѣ цѣнное имущество, отъ котораго никто не откажется, при малѣйшей возможности заняться хозяйствомъ), то нѣтъ сомнѣнія, что многіе бросятъ другіе промыслы и явятся въ деревню, чтобы потребовать и себѣ надѣла. Тогда сельско-хозяйственное населеніе еще больше увеличится, а число рабочихъ рукъ, отвлеченныхъ отъ земли, и безъ того слишкомъ малое, еще болѣе уменьшится. Общее положеніе, значитъ, еще ухудшится, и зависимость Россіи отъ заграничнаго спроса еще болѣе усилится. Купятъ заграницу нашъ хлѣбъ,—будутъ у крестьянъ деньги. А если не купятъ или дадутъ дешевую цѣну,—сколько-бы

у крестьянина земли ни было, какую-бы работу онъ въ нее ни вкладывалъ, все равно онъ будетъ сидѣть безъ денегъ и безъ всего того, что надо купить за деньги.

Эта опасность могла-бы очень ослабляться однимъ свойствомъ сельскаго хозяйства, которымъ Россія до сихъ поръ какъ разъ не обладаетъ: разнообразіемъ продуктовъ. При такомъ разнообразіи спросъ на различные продукты возникаетъ въ средѣ самого-же земледѣльческаго населенія. Оно покупаетъ другъ у друга различные продукты, и такимъ образомъ возникаетъ обмѣнъ, а слѣдовательно для земледѣльца является и нѣкоторый, хоть и небольшой, сбытъ, а вмѣстѣ съ нимъ и *заработокъ*. Но у насъ такого разнообразія нѣтъ. У насъ сельское хозяйство держится на очень немногихъ продуктахъ массоваго производства, а все прочее служитъ ему лишь незначительнымъ подспорьемъ. Несомнѣнно, что такое невыгодное однообразіе связано съ общиннымъ землевладѣніемъ, которое очень стѣсняетъ хозяина въ распоряженіи посѣвомъ.

Таковы двѣ главныя опасности при раздѣлѣ земли, которыхъ необходимо избѣжать: опасность паденія производительности труда (пониженіе урожайности), и опасность обезцѣненія продукта. Имѣются, кромѣ того, еще и разныя другія трудности. Главныя изъ нихъ касаются того, какъ именно распредѣлить землю между работниками, чтобы никому не было обидно, и какъ соединить возможность улучшенія земли, поднятія ея плодородія, введенія сложнаго сѣвооборота и т. д., съ постояннымъ поддержаніемъ равномѣрнаго распредѣленія земли, т. е. съ постоянными предѣлами и равненіями земли по измѣняющейся величинѣ семействъ каждаго двора. Какъ, наконецъ, избѣгнуть главной язвы нашего общиннаго землевладѣнія—черезполосицы, съ мельчайшими, искрошенными полосками въ поляхъ различнаго качества (конахъ), и съ разорительностью огромнаго разстоянія между усадьбой и отдѣльными полосами. И все это при непремѣнномъ условіи уничтоженіи собственности на землю.

II.

О количествѣ земли и ея распредѣленіи.

Прежде всего, однако, надо уяснить: сколько именно земли можно добавить къ нынѣшнимъ крестьянскимъ надѣламъ, т. е. насколько можно уменьшить нынѣшнее малоземелье, и надолго-ли.

Съ этой стороны тоже не слѣдуетъ увлекаться слишкомъ радужными мечтами, чтобы потомъ не явилось разочарованія и озлобленія на обманувшую надежду. Надо сразу-же ясно понять, что увеличить земельный просторъ можно только очень немного, и что этого увеличенія хватитъ на самое непродолжительное время, послѣ котораго населеніе настолько увеличится, что земельная тѣснота вернется опять къ тому-же положенію, въ которомъ находится и сейчасъ, хотя земельной собственности уже и не будетъ.

Всего въ Россіи насчитывается около четырехсотъ милліоновъ десятинъ земли, но общаго раздѣла всей земли произвести никакъ не удастся. Казаки уже рѣшительно заявили, что дѣлить казацкую землю они позволятъ только между казаками, и никого посторонняго не пустятъ. Земли калмыцкія и киргизскія навѣрно тоже ускользнутъ отъ общаго раздѣла. По всей вѣроятности не будутъ въ немъ участвовать и земли латышскія, эстонскія, литовскія, бѣлорусскія, такъ какъ всѣ эти народы заявляютъ о своемъ желаніи и правѣ распорядиться своею землею по своему. Съ большою рѣшительностью заявляетъ объ этомъ и Малороссія, притомъ въ очень широкихъ границахъ, охватывающихъ и такъ называемую Новороссію. Такъ какъ границы такихъ выдѣляемыхъ областей пока еще трудно опредѣлить и такъ-какъ трудно уяснить и количество выдѣляющагося населенія, то сейчасъ почти невозможно сказать, *какою именно останется та Россія, въ которой будетъ производиться общій раздѣлъ земли*, и какъ велико будетъ то ея населеніе, между которымъ земля будетъ дѣлиться. Поэтому для приблизи-

тельнаго подсчета придется взять цифры, касающіяся всей Европейской Россіи въ ея прежнемъ видѣ.

Всего населенія въ Евр. Россіи, кромѣ Польши, Финляндіи и Кавказа, къ 1 января 1914 г., т. е. за полгода до начала войны, насчитывалось около 129 милліоновъ человѣкъ. Если-бы всю землю Европейской Россіи подѣлить между всѣми ея жителями поровну, то очевидно, на каждаго пришлось-бы немногимъ болѣе трехъ десятинъ. Но если изъ числа жителей откинуть приблизительно одну седьмую часть, т. е. тѣхъ, которые заниматься земледѣліемъ не пожелаютъ и надѣла не получатъ, то на каждаго земледѣльца земли придется нѣсколько больше, т. е. болѣе трехъ съ половиной десятинъ. Но средняя прибыль населенія въ Евр. Россіи равна тремъ съ половиной милліонамъ. За четыре года—съ 1 янв. 1914 г. по 1 янв. 1918 г.—надо считать, что прибавится 14 милліоновъ населенія, изъ которыхъ два милліона можно откинуть на военныя потери (хотя потери эти будутъ меньшими, тѣмъ болѣе, что разсчетъ земли ведется не на работниковъ, а на ѣдоковъ, такъ-что инвалиды при раздѣлѣ въ счетъ пойдутъ). Но считая даже увеличеніе населенія съ 1 янв 1914 г. въ 12 милліоновъ, и откидывая изъ нихъ седьмую часть на неземледѣльческое населеніе, мы все-же получимъ около 120 милліоновъ такихъ, на кого надо будетъ дѣлить землю, причемъ на каждаго придется три съ третью десятины.

Три съ третью десятины на ѣдока—это былъ-бы очень приличный надѣлъ, о которомъ охотно мечтали-бы большинство нашихъ крестьянъ. Но такой надѣлъ на самомъ дѣлѣ невозможенъ. Расчетъ этотъ только кажущійся. Дѣло въ томъ, что въ этотъ разсчетъ входятъ не только обширныя болотистыя пространства бѣлорусскихъ губерній, но главное—обширныя лѣсистыя и пустынныя, неудобныя для земледѣлія, съ суровымъ климатомъ, почти неплодородныя пространства сѣвера и сѣверо-востока Европейской Россіи. Если-же вспомнить, что ежегодно въ Европейской Россіи населеніе увеличивается на три съ половиной милліона, и потому каждый годъ слѣдовало-бы додавать

земледѣльческому населенію болѣе пяти милліоновъ десятинъ надѣльной земли, то черезъ десять лѣтъ пришлось-бы додать болѣе пятидесяти милліоновъ десятинъ. Откуда ихъ взять? Такъ какъ земля не рожается и не ростетъ вмѣстѣ съ населеніемъ, но остается прежней, а казенныхъ и помѣщичьихъ земель уже не будетъ для раздѣла, то эти пятьдесятъ слишкомъ милліоновъ десятинъ придется постепенно отнимать у самихъ-же крестьянъ, изъ ихъ надѣла. Такъ-что уже черезъ десять лѣтъ нынѣшнюю землю придется дѣлить уже не на 120, а на 155 милліоновъ душъ, послѣ чего приростъ населенія еще болѣе увеличится, а надѣлъ станетъ уменьшаться еще быстрѣе, и т. д.

Двѣнадцать лѣтъ назадъ, въ 1905 году, изъ общаго количества 395 милліоновъ десятинъ въ Европейской Россіи подъ крестьянскими надѣлами находилось всего 138 милліоновъ, т. е. около трети всей земли. Въ личной собственности, крупнымъ и мелкимъ землевладѣльцамъ всѣхъ сословій принадлежали 101 милліонъ десятинъ, т. е. около четверти всей земли. Все остальное количество— болѣе трети—принадлежало разнымъ учрежденіямъ, въ томъ числѣ: казнѣ — ровно столько-же, сколько и надѣльной земли, 138 милліоновъ десятинъ, удѣламъ—7.800.000 дес., запаснымъ казачьимъ землямъ—3.440,000, церквамъ и монастырямъ—2.600,000, городамъ—2.000,000, желѣзнымъ дорогамъ и т. п.—660.000 дес.

Итакъ, только одна треть всей земли въ Европейской Россіи составляетъ крестьянскую надѣльную землю. Можно подумать, что еще двѣ трети всей земли имѣются въ запасѣ. Къ большому сожалѣнію, это далеко не такъ.

Самый большой запасъ, повидимому, имѣется у казны. Если даже откинуть такія земли, какъ городскія, запасныя казачьи, желѣзнодорожныя и т. п., то все-же однѣхъ казенныхъ и удѣльныхъ земель — больше трети всей земли, больше, чѣмъ вся крестьянская надѣльная земля. Однако, это кажущееся обиліе очень обманчиво. Девять десятыхъ всѣхъ казенныхъ земель находятся въ такихъ губерніяхъ, какъ Архангельская, Вологодская, Пермская, Олонецкая и Вятская. Это такія губерніи, въ которыхъ

земля почти ничего не стоитъ, гдѣ огромные крестьянскіе надѣлы лежатъ безъ обработки и куда переселяться никто не желаетъ, потому-что хозяйничать тамъ толку мало. Только одна десятая, т. е. менѣе 15 милліоновъ десятинъ, находится въ прочихъ губерніяхъ и можетъ быть передана крестьянамъ, хотя и въ этомъ числѣ есть немало земли неудобной или требующей большихъ предварительныхъ работъ для приведенія ея въ удобный видъ. То же и съ удѣльными землями, лежащими въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Новгородской и Костромской. Въ общемъ все количество этихъ земель, пригодныхъ для раздѣла, по мнѣнію проф. Туганъ-Барановскаго немногимъ превышаетъ 6 милліоновъ десятинъ. Другіе-же считаютъ и еще меньше— около 4 милліоновъ десятинъ.

Частновладѣльческой земли получится больше, хотя все-же не столько, сколько кажется. Такой земли считается всего 101 милліонъ десятинъ, т. е. около четверти всей земли. Однако уже въ 1905 г. только половина этого количества, т. е. около одной восьмой части всей земли принадлежала дворянамъ, четверть принадлежала купцамъ, мѣщанамъ, иностранцамъ, въ томъ числѣ и мелкими участками (напр. нѣмецкимъ колонистамъ), и четверть—крестьянамъ, т. е отрубщикомъ, хуторянамъ, артелямъ и товариществамъ Значитъ, изъ запаса 1905 г. никакъ не болѣе 75 милліоновъ десятинъ могло-бы пойти на увеличеніе крестьянскаго трудового хозяйства, но въ дѣйствительности еще меньше, такъ-какъ многія иностранныя, мѣщанскія, а порою и дворянскія владѣнія ничѣмъ не отличаются отъ крестьянскихъ, и въ нихъ ведется вполнѣ трудовое хозяйство. Есть немало дворянъ, только называющихся такъ, а на самомъ дѣлѣ по своему образу жизни ничѣмъ не отличающихся отъ крестьянъ.

Но кромѣ того, съ 1905 года много владѣльческихъ земель успѣло перейти въ крестьянскія руки. Помѣщичье землевладѣніе быстро распродается и таетъ. Оно быстро приближается къ своему концу, и даже если-бы не случилось революціи и не былъ рѣшенъ раздѣлъ земель, все равно крупное землевладѣніе должно было-

бы скоро исчезнуть самосильно. Отмѣна земельной собственности и принудительный раздѣлъ только ускорятъ это неминуемое исчезновеніе.

За 5 лѣтъ, съ 1905 по 1910 г. дворяне потеряли 4½ милліона десятинъ, почти по милліону въ годъ. Уменьшились владѣнія и купцовъ, мѣщанъ и духовенства. Къ 1914 г. дворяне потеряли еще два слишкомъ милліона десятинъ, т. е. всего уже болѣе 6½ милл. дес. (6.583.443 дес.), да и за время войны потеря дворянскаго землевладѣнія успѣла подвинуться впередъ, такъ что теперь въ рукахъ дворянъ остается немногимъ болѣе 40 милліоновъ десятинъ, т. е. немногимъ болѣе одной десятой части всей земли въ Евр. Россіи, которая и составляетъ главный запасъ для увеличенія крестьянскаго надѣла. За какія-нибудь двѣнадцать лѣтъ дворянское землевладѣніе потеряло около пятой части всего своего пространства. Большая часть дворянской земли перешла въ мелкое крестьянское землевладѣніе, въ томъ числѣ артельное и товарищеское, и хотя и эта купчая крестьянская земля (если будетъ уничтожена не только крупная, но всякая вообще собственность на землю), пойдетъ тоже въ общій раздѣлъ, однако она увеличенію собственно трудового землепользованія не поможетъ. Въ крестьянскомъ владѣніи (кромѣ аренды) находится сейчасъ уже никакъ не меньше 170 милліоновъ десятинъ, т. е. въ четыре слишкомъ раза больше, чѣмъ въ дворянскомъ.

Значитъ, если сложить дворянскую землю съ купеческой и съ удобной казенной, то всего должно получиться около 75 милліоновъ десятинъ земельнаго запаса. При общемъ раздѣлѣ это добавитъ около $^2/_5$ ко всей крестьянской землѣ. Если-бы при раздѣлѣ только крестьянской земли на душу (на ѣдока) пришлось-бы $1^1/_2$ десятины, то при раздѣлѣ всей земли, крестьянской, владѣльческой и удобной казенной, придется немного болѣе 2 десятинъ (2, 1 дес.). На самомъ дѣлѣ и это едва-ли получится, по той-же причинѣ, по которой огромная площадь казенной земли принесетъ сравнительно немного пользы. Дѣло въ томъ, что много помѣщичьей земли находится въ неудобныхъ губерніяхъ, куда крестьяне переселяться не захотятъ. Напр. въ одной Пермской

губ. помѣщичьихъ земель имѣется около 7 милліоновъ десятинъ. Въ одной Минской губерніи, съ ея лѣсами, болотами, водами и вообще обиліемъ неудобной земли, помѣщичьихъ владѣній свыше 4 милліоновъ десятинъ. Вотъ уже приходится, въ сущности, откинуть около десяти милліоновъ десятинъ, такъ-что для полезнаго раздѣла остается всего около 65 милліоновъ десятинъ, т. е. немногимъ болѣе полдесятины на земледѣльческую душу.

Какъ различно качество помѣщичьей земли, а потому и полезность ея для крестьянскаго хозяйства, отчасти можно судить по тому, что переходъ дворянской земли въ крестьянскія руки по различнымъ губерніямъ происходитъ крайне неравномѣрно. Въ однѣхъ губерніяхъ этотъ переходъ идетъ замѣчательно быстро,—это въ тѣхъ, гдѣ помѣщичья земля всего пригоднѣе для крестьянъ. Въ другихъ онъ идетъ потише, — тамъ, гдѣ отъ помѣщичьей земли для крестьянъ пользы меньше. А въ нѣкоторыхъ губерніяхъ такой переходъ едва замѣтенъ,—это тамъ, гдѣ крестьянамъ съ помѣщичьей землей почти-что нечего дѣлать.

Напр. въ Астраханской губ., съ ея горячимъ солнцемъ, съ ея жаркимъ, благодатнымъ климатомъ и плодородной землею, всего за 9 лѣтъ, съ 1905 по 1914 г.г. дворянское землевладѣніе успѣло уменьшиться на 48%, т. е. почти на половину! Въ главныхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, Самарской, Саратовской и Симбирской помѣщичье землевладѣніе исчезаетъ тоже быстро. За тѣ-же девять лѣтъ помѣщичья земля уменьшилась въ Симбирской губ. на 223 слишкомъ тысячи десятинъ, т. е. на 35% слишкомъ дворянской земли въ губерніи, больше чѣмъ на треть. Въ Самарской—почти на 343 тысячи дес., т. е. 37%, еще больше трети. А въ Саратовской—даже почти на 524 тыс. дес., около 40%, т. е. на двѣ пятыхъ дворянской земли. Около 30%, т. е. немного менѣе трети потеряли помѣщики за то же время въ губерніяхъ Воронежской (304 тыс. дес.), Пензенской (240 тыс. дес.), Тамбовской (340 тыс. дес.) и т. д.,—все губерніи хорошія. Немного меньше, около четверти своихъ владѣній, потеряли помѣщики въ такихъ сравнительно менѣе урожайныхъ губерніяхъ, какъ Казанская (127 тыс. дес.), Орлов-

ская (222 тыс. дес.), Рязанская (186 тыс. дес.). Въ губерніяхъ Оренбургской, Смоленской, Тульской помѣщики утратили около пятой части своей земли (108, 189 и 164 тыс. дес.). Но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ помѣщичье землевладѣніе за то же время уменьшилось только на очень небольшую свою часть. Въ какихъ-же это губерніяхъ? Не трудно угадать. Въ Вологодской за то-же время помѣщичьей земли убыло всего только 6½% (16 тыс. дес.), въ Костромской 4½% (44 тыс. дес.), въ Минской—5% (198 тыс. дес.), въ Новгородской—3% (43 тыс. дес.), въ Петроградской—9% (87 тыс. дес.), а напр. въ Вятской всего 1½% (5 тыс. дес.), то-же самое въ Пермской (112 тыс. дес.), въ Олонецкой же даже менѣе полпроцента, всего только 225 десятинъ! Въ такихъ губерніяхъ крестьяне помѣщичьей земли почти вовсе не хотятъ.

Такъ совершается постепенный естественный переходъ владѣльческой земли къ крестьянамъ. При замѣнѣ такого постепеннаго перехода—переходомъ единовременнымъ, рѣшительнымъ, невозможно закрыть глаза на то, что огромному большинству захочется хорошей земли въ хорошихъ губерніяхъ, и найдется очень немного охотниковъ на плохія земли въ плохихъ губерніяхъ. Неравенство качества придется уравновѣшивать количествомъ, а это въ свою очередь очень стѣснитъ величину надѣловъ и земельный просторъ въ лучшихъ губерніяхъ.

Надо разсчитывать еще на то, что равнять землю придется не только на тѣхъ, кто сейчасъ занимается земледѣліемъ, но и на всѣхъ желающихъ. При нынѣшней земельной тѣснотѣ каждый годъ многіе крестьяне покидаютъ деревню и уходятъ въ города, на городскіе промыслы и работы, на фабрики и т. п. Другіе, даже оставаясь въ деревнѣ, бросаютъ землю и стараются заняться чѣмъ-нибудь другимъ. Крестьянъ въ Россіи около 85% всего населенія, а земледѣліемъ, рыболовствомъ и охотою занимаются только 75% населенія, т. е. надо считать — десятая часть всѣхъ крестьянъ отдалилась отъ сельскаго хозяйства или по крайней мѣрѣ потеряла собственное хозяйство, оставаясь только работниками въ чужомъ. По разсчетамъ же Оганов-

скаго („Обновленіе земледѣльческой Россіи") внѣ - земледѣльческаго крестьянскаго населенія должно быть еще гораздо больше. По его разсчетамъ, около 350 тысячъ крестьянъ ежегодно уходятъ изъ деревень въ города, и кромѣ того сельскаго внѣ-земледѣльческаго населенія уже по переписи 1897 года было почти 13 милліоновъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многіе изъ такихъ не земледѣльческихъ крестьянъ покинули земледѣліе не по доброй волѣ и воспользуются первой-же возможностью снова получить землю и вернуться къ собственному хозяйству. Кромѣ того, теперь уже не будетъ ни крестьянъ, ни мѣщанъ, ни дворянъ, а всѣ будутъ совершенно одинаковыми и равноправными гражданами, и каждый, желающій заняться трудомъ на землѣ, получитъ на это такое-же право, какъ и всякій другой. Этимъ правомъ несомнѣнно захотятъ воспользоваться многіе мѣщане и даже дворяне, среди которыхъ много совершенно обѣднѣвшихъ. Поэтому дѣлить землю придется не на нынѣшнее число рабочихъ земледѣльцевъ, а на значительно большее. Все это будетъ тоже вліять на уменьшеніе надѣла.

Нельзя забывать и того, что нынѣшнее дворянское землевладѣніе вовсе не означаетъ, что помѣщичья земля не находится въ крестьянскихъ рукахъ. Напротивъ, очень много такой земли снимается крестьянами въ аренду. Считается, что крестьяне хозяйничаютъ не менѣе какъ на девяти десятыхъ всей пахотной земли. Раздѣлъ арендуемой земли нисколько не увеличитъ земельнаго простора, а будетъ имѣть только ту выгоду, что сбережетъ для работниковъ арендную плату, да еще ту, что дастъ возможность равномѣрнѣе и справедливѣе распредѣлить землю между земледѣльцами, давъ къ землѣ доступъ наиболѣе нуждающимся. Но собственно земельная тѣснота отъ раздѣла помѣщичьихъ земель уменьшится только на ту часть которая обрабатывается наемными рабочими, такъ что крестьянское хозяйство въ концѣ концовъ увеличится въ общемъ только на одну десятую всей пахотной земли. А такое увеличеніе земельнаго простора покроется приростомъ населенія въ какія-нибудь 4—5 лѣтъ.

Если—какъ соглашаются социалъ-демократы—уничтожена будетъ на первое время не всякая вообще земельная собственность, а только крупная, то изъ раздѣла пришлось-бы исключить много земли, пріобрѣтенной крестьянами-земледѣльцами „на вѣчность“ въ видѣ отрубовъ, хуторовъ и вообще „купчихъ“ и „укрѣпленныхъ“ участковъ. Изъ такихъ мелкихъ крестьянъ-владѣльцевъ многіе совсѣмъ вышли изъ общины и стали собственниками. Другіе-же сохранили и общинные свои надѣлы и только прикупили къ нимъ „собственной“ земли. Если-же, какъ хотятъ соціалисты-революціонеры, собственность на землю будетъ вообще уничтожена, то вся земля пойдетъ въ общій раздѣлъ.

Многіе общинники давно уже перестали равнять землю и перешли на подворное владѣніе даже и не выходя изъ общины. Вообще, кромѣ размельчанія большихъ имѣній и перехода дворянскихъ земель въ крестьянскія руки, въ землепользованіи совершается еще и нѣчто другое. Именно, общинныя земли понемногу переходятъ въ мелкія собственныя владѣнія, а мельчайшіе участки замѣняются мелкими, но не самыми мелкими. Развивается, ростетъ и крѣпнетъ нѣкоторый опредѣленный размѣръ мелкаго трудового владѣнія, но не самаго мелкаго. Движеніе идетъ сразу съ двухъ концовъ. Исчезаютъ крупныя владѣнія, и исчезаютъ мельчайшія. Побѣждаетъ мелкое трудовое, все болѣе выясняющее и устанавливающее свою наиболѣе живучую мѣру. И это происходитъ не только въ Россіи, но одинаково и въ другихъ странахъ.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, къ началу 1906 г. домохозяевъ-общинниковъ было всего девять съ небольшимъ милліоновъ, съ землею почти въ 100 милліоновъ десятинъ, т. е. въ среднемъ свыше 10 десятинъ на дворъ. За девять лѣтъ, къ 1915 году, изъ нихъ вышло изъ общины и перешло на личную собственность почти 2 милліона домохозяевъ съ землею почти 14 милліоновъ десятинъ, т. е. по 7 десятинъ на дворъ. Несомнѣнно, что эти домохозяева прикупили къ своей надѣльной землѣ еще земли со стороны. За 9 лѣтъ вышло изъ общины болѣе пятой части всѣхъ

домохозяевъ, которые вывели изъ общины седьмую часть всей общинной земли. Такъ общинное хозяйство понемногу уменьшается въ пользу единоличнаго.

А какъ-же измѣняется величина подворнаго владѣнія?

По разсчетамъ Огановскаго, во Франціи умножаются хозяйства величиной отъ 5 до 20 гектаровъ (т. е. отъ 4½ до 18 десятинъ), а болѣе мелкія и болѣе крупныя падаютъ. Въ Англіи слабо умножаются хозяйства отъ 2 до 20 гектаровъ (отъ 1,8 до 18 десятинъ), но болѣе замѣтно наростаютъ хозяйства отъ 20 до 120 гектаровъ (отъ 18 до 108 десятинъ), а болѣе крупныя и болѣе мелкія падаютъ. Въ Германіи умножаются хозяйства мельче чѣмъ не только въ Англіи, но чѣмъ и во Франціи, именно хозяйства отъ 5 до 10 гектаровъ (отъ 4½ до 9 десятинъ), а болѣе крупныя и болѣе мелкія падаютъ.

Въ Россіи-же слѣдующее. Въ 60-хъ годахъ ревизскихъ душъ съ надѣломъ до 2 десятинъ было всего 11,2%: съ надѣломъ свыше 6 десятинъ,—20,6%; огромное же большинство приходилось на надѣлъ отъ 2 до 6 десятинъ,—именно 62,2%. А въ 1905 г. дворовъ съ надѣлами до 5 десятинъ было всего 22,6%; съ надѣлами свыше 15 десятинъ—16%; огромное-же большинство приходилось на надѣлы отъ 5 до 15 десятинъ—именно 61,4%.

Что касается частныхъ владѣльцевъ, то тутъ происходило такое движеніе: въ 1877 году огромное большинство, болѣе трехъ четвертей, всѣхъ владѣльцевъ, имѣли менѣе 50 десятинъ (77,6%), отъ 50 до 200 десятинъ—11,6%, отъ 200 до 500 дес.—5%, и свыше 500 дес.—5,9%. А въ 1905 г. двухъ низшихъ разрядовъ прибавилось: до 50 дес. стало 79,2%, т. е. прибавилось 2,2%, отъ 50 до 200 дес. стало 12,3%, т. е. прибавилось 6%. А болѣе высокіе разряды стали быстро убывать: отъ 200 до 500 дес. осталось 4,6%, т. е. убыло 8%, а свыше 500 дес. осталось 3,9%, т. е. убыла цѣлая треть слишкомъ, 33,9%. Какъ видно, мѣра преобладающаго и наиболѣе прочнаго землевладѣнія не только частновладѣльческаго, но и надѣльнаго (подворнаго) въ Россіи выше чѣмъ въ Германіи и приблизительно равна землевладѣнію въ Англіи и во Франціи.

По разсчетамъ того-же писателя, сдѣланнымъ для 33 уѣздовъ 10 губерній, безпосѣвныхъ крестьянъ имѣется 12,6%, засѣвающихъ отъ 2½ до 5 дес.—24,5%, отъ 5 до 12 и 15 дес.—59,2%, а богачей, засѣвающихъ свыше 15 дес.—3,7%. Туганъ-Барановскій признаетъ, что сельскій пролетаріатъ составляетъ около 6—7% сельскаго населенія, а крупные крестьяне, ведущіе полукапиталистическое хозяйство—7—8%. Средній-же надѣлъ крестьянскаго двора для всей Евр. Россіи въ 1905 году былъ 11,1 десятинъ, колеблясь отъ 3,8 дес. въ Подольской губ. и до 65,1 десятинъ въ Олонецкой. Въ 1905 г. крестьянъ, имѣющихъ до 5 десятинъ надѣльной земли на дворъ было 2.856.000 дворовъ, или около 24% всѣхъ дворовъ, а имѣющихъ до 10 десятинъ—5.072.000 дворовъ, т. е. 42%.

Если сравнить величину нашихъ подворныхъ владѣній съ такими-же владѣніями во Франціи, а тѣмъ болѣе въ Германіи, то приходится задуматься: въ чемъ-же наша земельная тѣснота? Почему намъ труднѣе на нашихъ земляхъ, чѣмъ французамъ и даже нѣмцамъ? Надъ этимъ вопросомъ приходится задуматься еще больше, если замѣтить, что жалобы на земельную тѣсноту и требованія земли наслышатся у насъ не только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ надѣлъ особенно низокъ, какъ напр. въ Подольской, но вообще во всѣхъ одинаково, даже и въ тѣхъ, гдѣ надѣлъ сравнительно огромный, какъ напр. въ Заволжьѣ. Что это можетъ значить? Это совершенно безспорно показываетъ, что одного только раздѣла мало, что если-бы онъ далъ даже больше земли, чѣмъ то небольшое количество, которое онъ въ дѣйствительности можетъ дать, то и тогда онъ помогъ-бы дѣлу очень недостаточно; потому что жалуются на тѣсноту и тѣ губерніи, которыя имѣютъ земли больше, чѣмъ имѣютъ ея заграницей, и тѣ губерніи, которыя имѣютъ земли больше, чѣмъ можетъ дать ея какой угодно раздѣлъ. Очевидно, что кромѣ раздѣла земли надо придумать еще что-то очень важное, чтобъ отъ раздѣла получилась дѣйствительная польза и замѣтное облегченіе. Эта необходимость придумать нѣчто кромѣ раздѣла заставляетъ Кауфмана писать: „Только въ повышеніи эксплоа-

тацiи земли—дѣйствительный выходъ изъ современнаго кризиса, дѣйствительное разрѣшенiе нашего аграрнаго вопроса, безъ котораго безполезны всякiе дополнительные надѣлы". Или другого писателя, Туганъ-Барановскаго: „Внѣ коренного измѣненiя господствующихъ у насъ экстенсивныхъ системъ земледѣлiя нѣтъ выхода изъ кризиса, угнетающаго наше крестьянское хозяйство".

Что-же именно надо сдѣлать?

III.

О лучшемъ пользованiи землею.

Казенныя, удѣльныя и т. п. земли не будутъ болѣе ни сдаваться въ аренду, ни воздѣлываться экономическимъ порядкомъ, а прямо поступятъ въ распоряженiе работниковъ. Будутъ отобраны и всѣ частновладѣльческiя земли. Какъ отобраны—вполнѣ-ли безплатно, или государство выдастъ за нихъ какiя-нибудь свои денежныя обязательства, какiя-нибудь облигацiи или ренту—это вопросъ особый. Вполнѣ безплатно отобрать землю нельзя уже потому, что почти вся частновладѣльческая земля заложена, и заложена высоко, немногимъ ниже всей своей стоимости Уничтожить-же закладныя, какъ банковыя, такъ и частныя, возможно только въ томъ случаѣ, если отобрать всякiе вообще капиталы, уничтоживъ не только земельную, но и всякую вообще денежную собственность. Ибо капиталъ, вложенный въ землю и въ инвентарь, ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого капитала. Точно также и поземельныя государственныя процентныя бумаги ничѣмъ не отличаются отъ всякихъ другихъ государственныхъ обязательствъ, и прекратить по нимъ платежи государство не можетъ. Но дѣло сейчасъ не въ этомъ и не о томъ теперь рѣчь.

Земля отобрана. Собственность на землю уничтожена. Что-же дальше?

До сихъ поръ всѣ между собою болѣе или менѣе согласны. А дальше идутъ уже разнорѣчія. Дальше съ землею надо поступить такъ, чтобы и чувство земельной тѣсноты исчезло, и притомъ не на короткое время, а прочно, надолго, и чтобы отдѣльные хозяева-работники чувствовали себя довольными, и чтобы неубыточно было для государства, т. е. для всего народа, — чтобы не понизилась урожайность земли, чтобы не обезцѣнился продуктъ, и притомъ чтобы земля была общедоступной, т. е. чтобы всякій желающій могъ заняться земледѣліемъ.

Надо имѣть въ виду, прежде всего, что условія поземельнаго хозяйственнаго быта въ различныхъ нашихъ губерніяхъ очень разнообразны. Кромѣ того, казачество, Украйна, Бѣлоруссія, Литва и Латвія, т. е. прибалтійскія губерніи желаютъ распорядиться своею землею только внутри себя. Слѣдовательно, и великорусскимъ губерніямъ придется замкнуться въ себѣ и дѣлить землю только между собою. О равномѣрномъ распредѣленіи земли по всей Россіи, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи. Каждая область будетъ равнять землю только въ своихъ предѣлахъ.

Но и внутри каждой области какъ-же равнять? По всей-ли области, или по губерніямъ, по уѣздамъ, или даже по волостямъ?

Такъ-какъ переселяться изъ губерніи въ губернію будутъ неохотно и только въ случаяхъ крайней необходимости, то проще всего равнять только по волостямъ. Равненіе при этомъ получится очень плохое. Въ однихъ мѣстахъ земли окажется слишкомъ мало, въ другихъ-же слишкомъ много. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ много помѣщичьей или казенной земли, земледѣльцы получатъ огромную прибавку, а въ другихъ уѣздахъ не получатъ ничего или почти ничего. Для сглаженія такого неравенства придется прибѣгнуть къ единственному возможному средству: уравнительному обложенію. Тѣ земли, которыя даютъ болѣе высокій доходъ, придется обложить особымъ уравнительнымъ налогомъ, беря въ казну, т. е. въ пользу

всего народа, весь излишекъ дохода. Неудобство и трудность при этомъ получится только въ томъ, что если уравнительный налогъ опредѣлять по оцѣнкѣ земли и ея доходности, то во многихъ случаяхъ, при какихъ либо неудачахъ и недоборѣ исчисленнаго дохода, земледѣльцу придется платить совершенно зря, въ ущербъ своему законному заработку. А если брать только излишекъ дѣйствительнаго дохода, то у земледѣльца пропадетъ охота особенно стараться, повышать урожайность и доходность земли, и трудъ его сдѣлается небрежнымъ и роняющимъ вообще доходность сельскаго хозяйства, съ большимъ вредомъ для всей страны.

Кромѣ количества и качества земли, большое различіе между отдѣльными губерніями есть еще въ томъ, что въ однихъ мѣстахъ сохраняется еще общинное владѣніе, иногда даже съ переверсткою земли. Въ другихъ община сохранилась, но давно уже перешла на подворное владѣніе. Въ третьихъ развилось отрубное и хуторское хозяйства, иногда до полнаго разложенія общины. Въ малороссійскихъ губерніяхъ такое мелкое самостоятельное хозяйство особенно укоренилось. Наконецъ, кое-гдѣ существуютъ земледѣльческія товарищества и артели.

До чего разнообразно положеніе земельнаго дѣла въ различныхъ губерніяхъ, видно хотя-бы изъ того, что напр. въ Архангельской губ. приходится одинъ сельскій житель почти на двѣ квадратныя версты, т. е. можно дать 200 десятинъ на ѣдока. Само собой, что толку отъ этихъ двухсотъ десятинъ никакого быть не можетъ. А напр. въ Подольской губ. на квадратную версту приходится болѣе 100 сельскихъ жителей, т. е. на ѣдока не придется и одной десятины. Зато тутъ земля очень хорошая, и семья изъ 5 душъ на пяти десятинахъ можетъ прокормиться, при условіи однако очень хорошаго хозяйства. При разверсткѣ земли по губерніямъ не будетъ двухъ губерній, въ которыхъ на ѣдока пришлось-бы то же самое количество земли. Вездѣ разное. А къ тому-же вездѣ различна самая земля. Несомнѣнно, что весьма различные надѣлы получатся и по уѣздамъ, и по волостямъ.

Крестьяне по большей части представляютъ себѣ раздѣлъ земли въ видѣ прибавки казенной и частновладѣльческой земли къ ближайшимъ сельскимъ обществамъ, для владѣнія этой землей отдѣльными домохозяевами на прежнихъ общинныхъ порядкахъ, т. е. съ постоянными передѣламъ, но уже не по ревизскимъ душамъ, а по ѣдокамъ. Такой раздѣлъ былъ-бы однимъ изъ неудачнѣйшихъ. Во-первыхъ, установится крайне несправедливое и неравномѣрное распредѣленіе земли между отдѣльными сельскими обществами. Во вторыхъ, опять вернутся всѣ бѣды, соединенныя съ общиннымъ землепользованіемъ и частыми передѣлами.

Возобновится и усилится разорительная черезполосица. Чтобы никому не было обидно, опять начнутъ нарѣзать землю мелкими клочками въ самыхъ различныхъ мѣстахъ. Клочки будутъ малые, много земли будетъ пропадать подъ межами; распашки, засѣвъ и жатва станутъ неудобными и трудными. Разстоянія отдѣльныхъ полей отъ усадебъ будутъ огромныя, а къ нимъ добавятся еще мучительныя разстоянія между полями. А какое значеніе для хозяйства имѣютъ разстоянія, видно изъ того, что по разсчетамъ нѣмецкаго ученаго Тюнена, если разстояніе между усадьбой и обрабатываемыми участками равно нулю, то земельная рента при сборѣ въ 25 гектолитровъ ржи равна 23 маркамъ съ гектара; если разстояніе 1 километръ (немного меньше версты), то рента уже только 17 марокъ; если разстояніе 2 километра, то рента 14 марокъ; если 3 километра, то рента 10 марокъ; при 4 километрахъ—только 5 марокъ, а при 5 километрахъ—рента равна нулю. Очевидно, начиная съ разстоянія въ 5 верстъ хозяйничать становится уже рѣшительно невыгодно. Уже нетолько вся рента, но и больше отдается на ѣзду, не лучше чѣмъ на помѣщика. Однако, избѣгнуть этихъ убыточныхъ и прямо разорительныхъ разстояній при такомъ порядкѣ раздѣла будетъ совершенно невозможно.

Постоянная переверстка, — что она означаетъ при нынѣшнихъ хозяйственныхъ условіяхъ? Она означаетъ полнѣйшую невозможность улучшить хозяйство и даже

постепенное истощеніе земли, т. е. паденіе хозяйства и разореніе. Земледѣльческій трудъ при этомъ будетъ большимъ, но приносящимъ не наибольшій, а наоборотъ — наименьшій доходъ. Земледѣльцу не будетъ никакого разсчета беречь поле, улучшать его, сѣять многолѣтнюю траву и т. д. — потому-что онъ будетъ помнить, что поле въ слѣдующемъ же году можетъ отъ него отойти. Совершенно невозможно будетъ улучшать сѣвооборотъ, потому - что земледѣлецъ въ своемъ посѣвѣ будетъ вполнѣ зависѣть отъ всего сельскаго общества, въ которомъ будутъ всегда преобладать, въ огромномъ большинствѣ, такіе хозяева, которые будутъ бояться всякаго нововведенія.

Кромѣ того, если земля будетъ прикрѣплена къ отдѣльнымъ сельскимъ обществамъ, или хотя-бы (что уже гораздо труднѣе) къ цѣлымъ волостямъ, то она уже не будетъ общею, какъ должно быть. Она будетъ находиться въ собственности отдѣльныхъ обществъ, которые будутъ распоряжаться ею только въ своей средѣ, распредѣляя ее между своими членами. Надѣлы будутъ чрезвычайно неравномѣрны: въ однихъ губерніяхъ или уѣздахъ надѣлы получатся очень большіе, а въ другихъ—очень малые и тѣсные. Нынѣшнее неравенство нетолько не сгладится, но и сильно увеличится, такъ какъ къ нынѣшнему неравенству надѣловъ прибавится еще и крайняя неравномѣрность распредѣленія казенныхъ и помѣщичьихъ земель, которыхъ въ однихъ губерніяхъ и уѣздахъ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ. Сглаживать это неравенство можно будетъ только особымъ уравнительнымъ обложеніемъ, которое однако будетъ недостаточно помогать дѣлу, и при которомъ даже въ самыхъ лучшихъ случаяхъ будетъ выходить такъ, что два земледѣльца будутъ получать совершенно одинаковый доходъ при чрезвычайной разницѣ въ количествѣ труда. А между тѣмъ, уравнивать надѣлы по разнымъ губерніямъ и даже уѣздамъ будетъ почти невозможно. Если земледѣлецъ изъ одного, малоземельнаго и тѣснаго уѣзда, захочетъ перейти въ другой уѣздъ или другую волость, въ многоземельное сельское общество, то потребуется согласіе такого общества на его принятіе. Для того, чтобы его принять, общество

должно будетъ отобрать часть земли отъ своихъ собственныхъ членовъ. На это они будутъ соглашаться неохотно. То-же самое будетъ случаться и всякій разъ когда заняться земледѣліемъ захочетъ работникъ, уже отошедшій отъ земли и желающій на нее вернуться. Уничтоженіе земельной собственности и признаніе земли ничьей или общей обязательно даетъ право всякому потребовать себѣ надѣла. Но у кого онъ потребуетъ? Окажется, что никто не обязанъ такому требованію повиноваться. Чтобъ исполнить такое требованіе, каждый долженъ будетъ отобрать часть земли отъ самого себя и отъ своихъ однообщественниковъ, чтобы надѣлить ею пришельца. Согласныхъ будетъ очень мало, и опять окажется, что земля вовсе не общая, а находится въ чьемъ-то владѣніи, и каждому, кто захочетъ такъ-же воспользоваться землею, какъ онъ пользуется воздухомъ или солнцемъ, надо для этого предварительно спихнуть съ земли кого-нибудь другого. И спихнуть будетъ и непріятно, и не такъ-то легко.

Есть и еще одно весьма важное неудобство такого порядка. Существуетъ немало такихъ помѣщичьихъ имѣній, дѣлить которыя на подворные или душевые надѣлы почти совершенно невозможно. Прежде всего по ихъ пространству и разбросанности отдѣльныхъ угодій. Разстоянія полей отъ крестьянскихъ усадебъ получатся такія, что хозяйство, примѣнительно къ разсчету Тюнена, окажется прямо убыточнымъ и даже разорительнымъ. Кромѣ разстоянія отъ усадебъ получатся невозможныя разстоянія и между отдѣльными полосами одного и того-же надѣла, т. е. одного и того-же домохозяина. Устраивать-же выселки будетъ невозможно нетолько потому, что они вообще не вяжутся съ общиннымъ владѣніемъ, и нетолько потому, что разстоянія между надѣльными полосами при этомъ не сократятся, но еще и потому, что полосы будутъ передѣляться по мѣрѣ измѣненія семейнаго положенія домохозяина, который со своимъ надѣломъ вовсе не будетъ имѣть постоянной связи.

Это одна причина невозможности. Но есть и другая. Хорошо устроенныя имѣнія разсчитаны на очень сложную обработку, при помощи усовершенствованныхъ машинъ, иногда даже паровыхъ плуговъ и тракторовъ, требующихъ

сотрудничества нѣсколькихъ рабочихъ. Въ такихъ имѣніяхъ введенъ сложный, иногда очень многопольный сѣвооборотъ, и нерѣдко совершенно не допускается паровая земля. Оставлять цѣлую треть пашни каждый годъ бездоходной— разорительно для всякаго благоустроеннаго сельскаго хозяйства, и отдыхъ землѣ дается не ея бездѣйствіемъ, только портящимъ ее сорными травами, а такимъ посѣвомъ, который нетолько даетъ ей отдохнуть отъ предыдущаго посѣва, но еще освѣжаетъ ее и, извлекая изъ нея доходъ, въ то-же время служитъ ей какъ-бы удобреніемъ для слѣдующаго, уже другого посѣва. Такія имѣнія даютъ очень хорошій доходъ, такъ-какъ въ нихъ къ созидательной способности земли и труда прибавляется еще творческая сила ума и знанія. Если-бы все русское сельское хозяйство велось такъ, какъ оно ведется въ подобныхъ имѣніяхъ, то нетолько никто не чувствовалъ-бы никакой земельной тѣсноты, но еще можно было-бы удесятерить населеніе Россіи, и всетаки былъ-бы земельный просторъ и Россія была-бы цвѣтущей страной всякаго изобилія. Нельзя забывать, что по числу жителей на квадратную версту Россія во много разъ просторнѣе другихъ странъ. Но понятно, что если-бы вся наша земля воздѣлывалась такъ, какъ она воздѣлывается въ благоустроенныхъ, образцовыхъ имѣніяхъ, необходимо было-бы, чтобы значительная часть населенія занималась-бы не земледѣліемъ, а другими промыслами, такъ-какъ хотя для обработки такихъ имѣній и требуется довольно много рабочихъ, но все-же далеко не столько, сколько на томъ-же пространствѣ могло-бы размѣститься владѣльцевъ размежеванныхъ надѣловъ.

Очевидно, что дѣлить такія имѣнія нельзя. Подѣлить ихъ значило-бы уничтожить всю ихъ благоустроенность и уронить ихъ доходность. Но нельзя, для блага народа и государства, ронять доходность земли; надо, напротивъ, поднимать ее. Слѣдуетъ только заботиться о правильномъ и справедливомъ распредѣленіи этой доходности. Такимъ образомъ, всѣ подобныя имѣнія слѣдуетъ во всякомъ случаѣ исключить изъ причисленія къ разверстываемымъ надѣламъ и подумать о другомъ, лучшемъ способѣ ихъ использованія.

Наконецъ, остается еще и самый наиглавнѣйшій вопросъ,—притомъ вопросъ и самый наипростѣйшій: что-же будутъ чувствовать наши земледѣльцы послѣ раздѣла между ними, по старымъ общиннымъ порядкамъ, всѣхъ казенныхъ и хотя-бы даже и всѣхъ помѣщичьихъ земель? Исчезнетъ-ли чувство земельной тѣсноты? Неговоря уже о томъ, что въ среднемъ прибавится удобной земли отъ одной трети до одной десятой прежняго количества, включая аренду, и что вся эта прибыль черезъ нѣсколько лѣтъ (во многихъ мѣстахъ черезъ очень немного лѣтъ) покроется приростомъ населенія, возвращеніемъ къ землѣ безземельныхъ и т. п.,—но даже теперь, сейчасъ, скажутъ-ли земледѣльцы, что земельной тѣсноты больше нѣтъ и что земли больше ненужно?

Да, при существующей большой неравномѣрности въ распредѣленіи населенія по землѣ, при большой разницѣ въ величинѣ надѣловъ, даже приблизительно однородныхъ по качеству, и при сохраненіи этой неравномѣрности, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земельный просторъ сразу почувствуется. И почувствуется такъ, что земледѣлецъ, разбрасываясь на свои поля и стараясь ихъ одолѣть, затратитъ на нихъ сверхсильный до изнеможенія трудъ, будетъ порою работать до 24 часовъ въ сутки, и всетаки очень плохо справится со своимъ дѣломъ. Будутъ и недосѣвы, просто за недохваткою времени и силъ, будутъ и просто плохіе урожаи, вслѣдствіе плохой, слишкомъ спѣшной или несвоевременной обработки, какъ это и происходитъ съ землями, самовольно захваченными у помѣщиковъ. Уже на этомъ одномъ земледѣлецъ станетъ втупикъ: земли прибавилось какъ нельзя больше, труда тоже, а жизнь не сдѣлалась ни легче, ни богаче. Когда-же за большій чѣмъ у другихъ надѣлъ придется еще платить уравнительный налогъ, тогда такой земледѣлецъ, пожалуй, не только не почувствуетъ земельнаго простора, но еще найдетъ, что стало труднѣе и тѣснѣе, чѣмъ при тѣснотѣ.

Это въ однѣхъ, особенно обильныхъ землею мѣстностяхъ, скажемъ—въ Самарской или Екатеринославской губерніяхъ. А въ другихъ губерніяхъ будетъ то, что хотя

надѣлы и увеличатся, но едва достигнутъ величины нынѣшнихъ надѣловъ хотя-бы тѣхъ-же Самарской или Екатеринославской губерній, несмотря на то, что по качеству самарскіе или екатеринославскіе надѣлы еще лучше многихъ другихъ. Куда-же тутъ исчезнетъ земельная тѣснота? Если-бы на тѣсноту жаловались только самыя тѣсныя губерніи, то уравненіе ихъ съ болѣе просторными помогло-бы дѣлу; но жалуются одинаково всѣ, въ томъ числѣ и наиболѣе просторныя, исключая только самыхъ сѣверныхъ губерній, гдѣ земли сколько угодно къ услугамъ всякаго желающаго. Значитъ, хотя земли и прибавится, и на первые годы станетъ немного легче, но все-же тѣснота какъ была, такъ тѣснотою и останется.

Ясно, что при возвращеніи къ старымъ общиннымъ порядкамъ одинъ раздѣлъ земли мало поможетъ дѣлу. Надо придумать что-нибудь другое.

Земельной тѣсноты не можетъ быть только въ двухъ случаяхъ. Или тогда, когда къ наименьшей, возможной для хозяйства землѣ, прилагается наиболѣе труда, такъ что при умѣренной его затратѣ получается очень повышенный доходъ,—это такъ называемое интенсивное хозяйство; или-же тогда, когда наибольшее пространство обрабатывается наименьшимъ числомъ рабочихъ рукъ,—не болѣе необходимаго,—это такъ называемое экстенсивное хозяйство. Въ третьемъ-же случаѣ, т. е. тогда, когда къ землѣ прикладывается больше рабочихъ рукъ, чѣмъ для нея необходимо, а между тѣмъ эти руки употребляютъ на землю не весь трудъ, на который онѣ способны при содѣйствіи машинъ и знанія,—въ этомъ случаѣ непремѣнно хозяйство будетъ невыгоднымъ, т. е. получится земельная тѣснота, сколько-бы земли ни приходилось на работника или на ѣдока. Въ этомъ случаѣ на землѣ будутъ лишнія руки, и отъ этого присутствія лишнихъ и получается какъ будто недохватка земли. А лишними руками будутъ всегда такія, безъ которыхъ земля можетъ обойтись безъ ущерба для своей доходности, т. е. такія, которыя своимъ приложеніемъ къ землѣ нисколько не помогаютъ ей приносить больше дохода.

Если напр. семья, имѣющая трехъ мужчинъ-работниковъ, справляется при помощи хорошихъ машинъ съ сотней десятинъ земли, то если ту-же землю подѣлить между четырьмя семьями, съ двумя рабочими въ каждой, которые будутъ обрабатывать ее тѣми-же, не улучшенными способами,—вотъ ужъ и получится земельная тѣснота, несмотря на то, что надѣлы получатся большіе. Потому что окажутся совершенно лишнія, вовсе для земли ненужныя руки. Если полный надѣлъ сельскаго общества могла-бы такъ-же хорошо обрабатывать только часть того-же общества, то всѣ остальные его члены оказываются уже лишними руками, причиняющими земельную тѣсноту, „Избытокъ земледѣльческаго населенія называется обыкновенно малоземельемъ“, говоритъ Петръ Масловъ и указываетъ, что такой избытокъ до такой степени ощущается въ Россіи, что напр. у насъ на югѣ „введеніе жатвенныхъ машинъ сократило потребность въ рабочихъ на сотни тысячъ“, а въ центральной Россіи „сельскохозяйственные рабочіе борются съ введеніемъ машинъ чрезвычайнымъ пониженіемъ заработной платы и достигаютъ того, что молотьба цѣпами обходится такъ-же дешево, какъ и машиной“.

Ясно, что какъ ни надѣляйте такое избыточное населеніе землей, какъ ни дѣлите между нимъ землю,—чувство земельной тѣсноты не исчезнетъ, потому что обиліе лишнихъ рукъ не повышаетъ доходности земли и даже препятствуетъ введенію улучшенныхъ способовъ хозяйства. Необходимо прежде всего отвлеченіе лишнихъ, избыточныхъ рукъ отъ земледѣлія къ промышленности. И даже увеличеніе на землѣ числа полезныхъ, не лишнихъ рукъ, посредствомъ развитія интенсивнаго хозяйства, возможно только при условіи достаточнаго развитія, сравнительно съ сельскимъ населеніемъ, городовъ и обрабатывающей промышленности. „Чѣмъ меньше развита индустрія и обработка продуктовъ сельскаго хозяйства, говоритъ тотъ-же писатель (Петръ Масловъ), тѣмъ безысходнѣе положеніе крестьянскаго населенія“. Точно такъ-же и бельгійскій соціалистъ Вандервельдъ, со словъ англичанина Грэхэма,

указываетъ, что въ Англіи не получается избыточнаго сельскаго населенія и не происходитъ выселенія изъ деревень въ тѣхъ именно округахъ, „гдѣ преобладаетъ интенсивное производство овощей, фруктовъ или молока для городскихъ рынковъ",—т. е. гдѣ близко и достаточно городское промышленное населеніе.

Такою, значитъ, должна быть первая необходимая добавочная мѣра, безъ которой раздѣлъ земли не достигнетъ никакой цѣли: необходимо усиленное развитіе разныхъ отраслей промышленности и такая ея постановка, которая сильно привлекала-бы въ города и на фабрики излишнее для земли населеніе. Иначе толку не выйдетъ.

Но этого еще недостаточно. Необходимо еще вводить усиленное, „интенсивное" хозяйство тамъ, гдѣ для этого есть необходимое условіе. Необходимо еще ввести больше разнообразія въ посѣвы, потому что чрезмѣрное однообразіе зернового хозяйства крайне невыгодно, оно понижаетъ и цѣну продукта, и производительность земли. Надо вообще поднять доходность земледѣлія, такъ какъ она у насъ чрезмѣрно низка. А въ концѣ концовъ именно низкая доходность земледѣлія и составляетъ всю суть малоземелья или земельной тѣсноты, ибо всякій земледѣлецъ предпочтетъ получать хорошій доходъ съ небольшого поля, требующаго умѣреннаго и не изнурительнаго труда, чѣмъ такой-же или даже меньшій доходъ съ большого поля, требующаго чрезмѣрнаго труда и съ которымъ не всегда возможно справиться.

Главная суть нашего малоземелья не въ томъ, чтобы у насъ дѣйствительно было мало земли. Напротивъ, изъ сравненія Россіи съ другими странами видно, что у насъ крестьянской земли еще очень много, и прирѣзка отдѣльныхъ клочковъ по душамъ тутъ почти ничего не измѣнитъ. Но слишкомъ мала у насъ производительность земледѣльческаго труда, какъ потому, что слишкомъ много рукъ работаютъ на землѣ, такъ и потому, что онѣ прикладываются къ землѣ слишкомъ неразсчетливо. Такое обиліе лишнихъ рукъ на землѣ и такое неразсчетливое ихъ употребленіе есть ничто иное какъ растрата народнаго труда.

А такъ какъ народный трудъ есть самая большая цѣнность и главный источникъ всего благосостоянія страны, то такая постоянная его растрата и есть главная причина народной бѣдности и невыгодности сельскаго хозяйства.

Задача государственнаго и общественнаго дѣятеля по отношенію къ народному хозяйству—та-же, что задача инженера по отношенію къ машинѣ. Паровая машина развиваетъ отъ 25 до 45% полезнаго дѣйствія: вся остальная ея сила пропадаетъ зря. А напр. водяная турбина развиваетъ до 85% и больше полезнаго дѣйствія. Задача инженера—заставить машину работать съ наибольшимъ процентомъ полезнаго дѣйствія. Но совершенно то-же самое—и въ затратѣ народной силы на хозяйственную работу. Первая задача—сдѣлать эту затрату какъ можно болѣе производительной, т. е. развивающей какъ можно болѣе полезнаго дѣйствія и дающей наименьшую потерю силы. А въ нашемъ народномъ земледѣліи—можно смѣло утверждать, судя по сравненію съ другими странами и даже съ улучшенными хозяйствами въ самой-же Россіи,—получается не болѣе трети или даже четверти полезной работы. Вся остальная затрата труда идетъ въ потерю. При сохраненіи прежняго порядка мало того, что невозможно достигнуть сколько-нибудь существенной, а тѣмъ болѣе—равномѣрной прибавки земли, но никакая вообще прибавка ни къ чему не приведетъ, а будетъ только еще болѣе понижать процентъ полезнаго дѣйствія. Станетъ еще болѣе чувствительной растрата народной силы, потеря народнаго труда.

Какъ-же быть? Положеніе на первый взглядъ кажется какъ-будто безвыходнымъ. Земли прирѣзать къ крестьянской землѣ можно очень мало, и такая прирѣзка будетъ очень неудобной и невыгодной. А если-бы и можно было прирѣзать много, толку изъ этого не вышло-бы никакого, потому-что изъ слишкомъ малой посѣвной площади и незначительной урожайности видно, что и съ нынѣшней землей крестьяне справляются очень плохо, а съ еще большей землей будутъ справляться, значитъ, еще хуже: труда будетъ разбрасываться по землѣ, наскоро, очень много, а плодовъ отъ него получаться мало.

Выходъ изъ этого есть, и очень хорошій.

Что собственно нужно крестьянамъ? Чего имъ въ дѣйствительности не достаетъ?

Въ сущности, недостаетъ имъ вовсе не земли, а прежде всего — капитала. Крестьянское хозяйство слишкомъ бѣдно, слишкомъ безденежно, слишкомъ неблагоустроенно и плохо оборудовано, и въ этомъ его первая бѣда. Тѣ крестьяне, которые какъ-нибудь сьумѣли собраться съ деньгами, обзавестись капиталомъ, тѣ хозяйничаютъ отлично и быстро богатѣютъ, превращаясь въ деревенскую буржуазію. А помѣщики, не имѣющіе оборотнаго и улучшательнаго („мелioраціоннаго") капитала—и тѣ хозяйничаютъ такъ-же плохо, какъ и большинство крестьянъ, и разоряются. Хорошее, образцовое хозяйство ведутъ тѣ, которые обладаютъ капиталомъ. Главная ихъ сила—не въ землѣ, а въ капиталѣ. Крестьянское-же хозяйство все пошло безъ оборотныхъ и безъ запасныхъ средствъ, и съ очень плохимъ обзаведеніемъ—и изъ своего тяжелаго положенія ему выбиться трудно.

Другая нужда крестьянскаго хозяйства—правильное, расчетливое („экономное") распредѣленіе труда,—правильная организація труда. Въ промышленномъ дѣлѣ когда работаетъ одинъ работникъ (кустарь), все дѣлающій самъ,—онъ производитъ очень мало, и трудъ его расходуется расточительно, даетъ мало пользы. Напротивъ, когда работаютъ нѣсколько человѣкъ сообща, то благодаря раздѣленію труда каждый вырабатываетъ на свою долю несравненно больше. Но все наше крестьянское хозяйство можетъ быть названо „кустарнымъ земледѣліемъ", первобытнымъ, неустроеннымъ, неорганизованнымъ. И въ этомъ — вторая бѣда крестьянскаго хозяйства.

Наконецъ, третья бѣда крестьянина—недостатокъ знанія. Крестьянинъ нетолько не можетъ, напримѣръ, увеличить урожайность своего поля, по недостатку и средствъ и силъ, — онъ еще и не умѣетъ и не знаетъ, какъ это сдѣлать. Не знаетъ онъ и того, напримѣръ, какъ сдѣлать, чтобы земля не лежала зря подъ паромъ и чѣмъ ее слѣдуетъ засѣять такъ, чтобы она, не отдыхая, нетолько не истощалась.

а напротивъ—набиралась еще новыхъ силъ, чтобы посѣвъ замѣнялъ для нея, отчасти, и отдыхъ, и удобреніе.

Надо, слѣдовательно, поставить дѣло такъ, чтобы можно было снабдить крестьянское хозяйство и капиталомъ, и оборудованіемъ, и правильнымъ, бережливымъ распредѣленіемъ труда, и знаніемъ. Надо прежде всего привести къ земледѣльческому труду капиталъ,—сдѣлать то, что на денежномъ языкѣ надо назвать финансированіемъ крестьянскаго земледѣлія.

Все это нетрудно сдѣлать однимъ единственнымъ способомъ: посредствомъ примѣненія къ земледѣлію того, что называется коопераціей, — т. е. посредствомъ устройства земледѣлія сообща, артельно. Нужна и кооперація земледѣльческаго труда, и кооперація труда и капитала. Русскій народъ давно уже знаетъ силу артели и многими промыслами занимается не иначе какъ артельно. Но артельнаго земледѣлія у насъ еще слишкомъ мало, хотя оно всетаки существуетъ. Около восьми милліоновъ десятинъ, преимущественно на югѣ Россіи, принадлежитъ крестьянскимъ товариществамъ, которыя между своими членами земли не дѣлятъ, а владѣютъ ею сообща и сообща ее воздѣлываютъ. Владѣя хорошими имѣніями, такія товарищества сами себѣ и помѣщики и рабочіе. Но и крестьянское общество, такъ называемая „община", это вѣдь тоже собирательный помѣщикъ, владѣющій большимъ и отличнымъ имѣніемъ. Только оно раздробляется на клочки, на которыхъ каждый изнемогаетъ отъ натуги, а ничего путнаго добиться не можетъ. Вообразите себѣ помѣщика, который сталъ-бы хозяйничать въ своемъ имѣніи такъ: нанялъ-бы рабочихъ и вмѣсто того, чтобы распредѣлить между ними трудъ, распредѣлилъ-бы между ними землю, по клочкамъ, да еще въ разныхъ мѣстахъ на каждаго, и велѣлъ-бы каждому справляться со всей работой на разныхъ клочкахъ въ одиночку. Что сказали-бы о такомъ помѣщикѣ сами-же крестьяне? Сказали-бы, что онъ большой чудакъ и очень плохой хозяинъ. А потомъ еще и забунтовались-бы, и сказали, что такъ имъ работать тяжело и работа плохо спорится. А сами-же, въ своемъ собственномъ обще-

ственномъ имѣніи, на своей надѣльной землѣ, они поступаютъ именно какъ такой чудаковатый и неразсчетливый помѣщикъ.

Община наша слабѣетъ только потому, что не развивается, т. е. не идетъ своей прямой дорогой къ тому, чѣмъ ей надлежитъ быть: общиной—артелью. Ей нѣтъ никакого разсчета дѣлить свою землю, а наоборотъ—надо соединять отдѣльныя подворныя владѣнія. Пускай себѣ отрубщики и хуторяне работаютъ на своихъ участкахъ порознь, въ одиночку, если имъ это нравится и выгодно, если хозяйство идетъ у нихъ хорошо и приноситъ хорошій доходъ. Хотя и имъ ничто не помѣшало-бы соединять свои хутора и отруба вмѣстѣ и работать сообща, дѣлясь доходами сообразно величинѣ участка и труду каждаго. Но во всякомъ случаѣ общинникамъ-то ужь прямо слѣдовало-бы хозяйничать артелью на общей землѣ, объединяясь въ производительную земельную кооперацію. Снабдить такое общее хозяйство хорошими машинами, которыя только и годятся для большого хозяйства, для большихъ пространствъ и большой работы, и хорошимъ общимъ рабочимъ скотомъ, выбрать въ управители самыхъ толковыхъ хозяевъ, къ которымъ добавить знающаго агронома,—и доходъ на каждаго домохозяина будетъ приходиться такой, о какомъ онъ не могъ-бы и мечтать, работая въ одиночку на своемъ размельченномъ, искрошенномъ надѣлѣ. Отъ хорошаго распредѣленія труда и отъ употребленія улучшенныхъ машинъ освободилось бы отъ очередной, обычной работы много рабочихъ рукъ. Для нихъ тутъ-же нашлось-бы превосходное употребленіе: раздѣлка нераспаханной земли и приведеніе ея въ культурной видъ, т. е. въ такой видъ, при которомъ и самая неудобная земля могла-бы сдѣлаться хорошей пашней. Именно такимъ способомъ—приготовленіемъ земли—заграницей достигли того, что тамъ почти нѣтъ неудобной земли и посѣвная площадь гораздо больше нашей. И у насъ необходимо добиться того, чтобы посѣвная площадь занимала по крайней мѣрѣ половину всей сельскохозяйственной земли, а то и больше. Даже и сейчасъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Въ

Тамбовской, въ Курской губерніяхъ посѣвная площадь немного меньше половины всей земли. Въ губерніяхъ Харьковской, Подольской, Полтавской—половина,—а въ губерніяхъ Таврической, Екатеринославской, Херсонской, Бессарабской—даже нѣсколько больше половины. Но и въ этихъ губерніяхъ ее можно еще увеличить, да и во многихъ другихъ ее можно и нужно довести по крайней мѣрѣ до такой величины, а то и до большей. Приложеніе-же къ труду еще капитала и знанія сдѣлаютъ то, что на такой увеличенной пашнѣ неузнаваемо подымутся урожаи. Подымется и качество зерна. Трудъ будетъ прикладываться къ землѣ такой-же какъ и до сихъ поръ, и даже меньшій и болѣе легкій, а пользы онъ будетъ приносить несравненно больше. Неизмѣримо поднимется и производительность труда, и его доходность.

Если и отъ работы по раздѣлкѣ земли будутъ оставаться лишнія руки (что весьма возможно), и если при этомъ правительственная хозяйственная (экономическая) политика не будетъ умѣть привлекать эти лишнія руки къ развивающейся промышленности (что однако совершенно необходимо и для полезнаго распоряженія общенароднымъ трудомъ, для общаго развитія производительныхъ силъ страны, и для поднятія цѣнности продуктовъ самого-же сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и его доходности),—даже и тогда въ самой-же земельной коопераціи окажется налицо превосходное лекарство для самоизлеченія отъ хозяйственной болѣзни, и она будетъ обладать своей собственной внутренней цѣлительной силой. У самихъ-же земледѣльческихъ артелей-общинъ найдется способъ полезнаго примѣненія рабочихъ рукъ къ такому труду, который не давалъ-бы имъ дѣлаться праздными и живущими за чужой счетъ. Земледѣльческая кооперація была-бы уже готовой силой для развитія кооперативнаго труда нетолько на самой землѣ, но еще и въ производствахъ, приспособленныхъ къ переработкѣ произведеній сельскаго хозяйства. Могли-бы возникать кооперативныя кузницы, кооперативныя мастерскія по обработкѣ дерева, мастерскія для выдѣлки сельско-хозяйственныхъ орудій и домашняго обихода, спичекъ и табаку, подсолнеч-

наго, льняного и коноплянаго масла, жмыховъ, веревокъ, нитокъ и тканей, кожевенные заводы, и т. д.—самыя разнообразныя производства, близкія къ сельскому хозяйству и приноровленныя къ хозяйственнымъ особенностямъ каждой мѣстности. И огромная выгода этого была-бы нетолько въ томъ, что лишнія руки не лежали-бы тяжелымъ бременемъ на землѣ, какъ теперь, но еще и въ томъ, что повышалась-бы общая доходность народнаго труда.

Соединяя въ общее артельное хозяйство отдѣльные надѣлы, точно такъ-же слѣдуетъ поступать и съ тѣми помѣщичьими имѣніями, которыя перейдутъ въ крестьянскія, рабочія, земледѣльческія руки. Нѣтъ никакой нужды дѣлить ихъ по дворамъ, что къ тому-же нетолько совершенно испортитъ эти имѣнія, но и почти невыполнимо. Эти хозяйства надо сохранять въ цѣлости и беречь ихъ. Надо только измѣнить способъ веденія ихъ обработки. Вмѣсто обработки ихъ наемнымъ трудомъ или сдаванія ихъ частей въ аренду надо брать ихъ въ общественное, выборное управленіе, и опять-таки съ добавленіемъ къ нимъ знающихъ агрономовъ, а для обрабатыванія ихъ устраивать артельныя рабочія дружины изъ безземельныхъ и малоземельныхъ, изъ безлошадныхъ и вообще слабыхъ хозяевъ. Будетъ получаться то-же самое, что и на надѣльной землѣ съ общиной, организовавшейся въ кооперацію.

А такъ-какъ условія нашей жизни чрезвычайно разнообразны и не во всѣхъ мѣстностяхъ и случаяхъ примѣнимы однѣ и тѣ-же общія мѣрки, то иногда можно было-бы включать въ кооперацію и самое землевладѣніе, устраивая общественное хозяйство на началахъ соучастія въ прибыляхъ. При высокомъ уровнѣ хозяйства выгода для работниковъ отъ этого соучастія будетъ получаться такая, что не пойдетъ ни въ какое сравненіе съ доходностью собственнаго крестьянскаго хозяйства на раздробленныхъ клочкахъ того-же самаго имѣнія.

Но какъ-же быть съ самымъ главнымъ—съ капиталомъ? Для каждаго ясно, что какъ ни выгодна кооперативная организація, бережливое распредѣленіе труда и образованіе большихъ полей вмѣсто изрѣзанныхъ межами

обрывковъ, все-же необходимо хорошее оборудованіе такихъ собирательныхъ хозяйствъ. Только тогда эти хозяйства станутъ дѣйствительно прочно.

Но дѣло въ томъ, что земельная кооперація будетъ такой силой, которая будетъ имѣть не малую цѣну и на денежномъ рынкѣ. Такая кооперація будетъ обезпечена крупнымъ, вѣрнымъ доходомъ, закрѣпленнымъ общею, взаимною отвѣтственностью ея членовъ, ихъ круговою порукой. Всѣ за каждаго, и каждый другъ за друга. Организованный трудъ, соединенный съ такимъ цѣннымъ имуществомъ, какъ земля,—это лучшее обезпеченіе для капитала. Если дать капиталу участіе въ прибыляхъ коопераціи, то „финансированіе земледѣлія“ станетъ вовсе нетруднымъ. Трудно снабдить капиталомъ отдѣльнаго крестьянина —домохозяина. Онъ можетъ заболѣть, умереть, можетъ просто залѣниться и опуститься, можетъ просто промотать деньги или мошеннически ими завладѣть. Но кооперація земельно-трудовая есть не человѣкъ и не люди, а самостоятельно существующее предпріятіе, съ правильнымъ хозяйствомъ, съ правильнымъ надзоромъ и отчетностью, съ отвѣтственностью общимъ трудомъ и общимъ имуществомъ.

Часть денегъ найдется и на мѣстахъ. Среди самихъже крестьянъ есть и состоятельные люди. Зная, что они получатъ свою особую долю изъ общаго дохода нетолько на свой трудъ и на свою землю, но еще и на свои деньги, внесенныя въ кооперацію, они охотно будутъ устраивать складчину. Но это далеко не главное. Можно и нужно будетъ еще привести въ деревню капиталъ изъ городовъ и соединить его съ землею и деревенскимъ трудомъ.

Первымъ посредникомъ тутъ, между земледѣльческимъ трудомъ и капиталомъ, можетъ явиться государство. Выпуская государственныя облигаціи сельско-хозяйственной ренты, оно будетъ имѣть полную возможность привлекать къ этому дѣлу сбереженія городскихъ жителей и капиталистовъ и снабжать этими средствами кооперативное земледѣліе. Но вполнѣ возможно, и желательно, привлеченіе къ этому дѣлу и просто частнаго капитала,

безъ особаго государственнаго вмѣшательства. Возможно даже устройство кооперативнаго сельско-хозяйственнаго банка, который поставилъ-бы своей прямою цѣлью привлеченіе къ себѣ частныхъ капиталовъ для финансированія земледѣлія. А помимо развитія такихъ большихъ и широкихъ предпріятій, еще легче устроить небольшія сельско-хозяйственныя кредитныя товарищества, которыя объединялись-бы въ союзы и, при взаимномъ поручительствѣ, легко питались-бы поддержкою крупныхъ и мощныхъ кредитныхъ учрежденій.

При этомъ конечно будетъ особенно важно развитіе не только краткосрочнаго, но и долгосрочнаго кредита. Важно, чтобы капиталъ шелъ въ деревню не въ качествѣ минутнаго гостя, но какъ равноправный товарищъ, который заодно съ трудомъ хочетъ работать въ общемъ дѣлѣ, пользуясь своею долею дохода и не спѣша вернуться во свояси. Если вспомнить о существованіи нынѣшнихъ земельныхъ банковъ, вложившихъ въ землю огромные капиталы на очень долгіе сроки, то станетъ яснымъ, что выполненіе этой задачи вовсе не затруднительно. Обезпеченіе-же, которое теперь дается такимъ банкамъ возможностью продать землю за недоимки, можно будетъ замѣнить другимъ, гораздо болѣе правильнымъ и доброкачественнымъ обезпеченіемъ, при неотчуждаемости земли,—именно участіемъ капитала въ прибыляхъ земледѣльческой кооперацiи, а слѣдовательно участіемъ и въ надзорѣ за расходованіемъ денегъ и веденіемъ всего кооперативнаго счетоводства, то-есть кооперацiей труда и капитала.

Къ числу выгодъ, доставляемыхъ этимъ, въ сущности единственно возможнымъ выходомъ изъ нынѣшняго положенія, принадлежитъ и достиженіе тѣхъ задачъ, которыя поставлены на очередь, но кажутся совершенно недостижимыми на дѣлѣ; именно—достиженіе дѣйствительнаго равноправія: дѣйствительной уравнительности трудового землепользованія (каждому — по его труду), и дѣйствительнаго доступа къ землѣ и къ земельному труду каждаго желающаго. Ибо при этихъ порядкахъ никто, приступая къ землѣ, не будетъ спихивать съ нея никого другого, а отъ

лишнихъ рабочихъ рукъ земельная кооперація будетъ достаточно защищена возможностью всегда дать имъ полезное примѣненіе.

Все это сложится несомнѣнно и безъ особыхъ затрудненій. Необходимо только одно условіе,—чтобы сами крестьяне поняли значеніе собирательнаго (коллективнаго) начала въ своемъ хозяйственномъ трудѣ и рѣшились смѣло вступать на новый путь, введя революцію въ самый низъ, въ самый фундаментъ, въ самое основаніе нашей жизни, —въ наше народное земледѣліе. Пока это земледѣліе находится въ своемъ прежнемъ видѣ, въ порядкѣ „стараго режима“, въ застыломъ существованіи прежняго строя, до тѣхъ поръ революціонное обновленіе нашей жизни невозможно и оно будетъ только скользить по поверхности, ничего въ сущности не измѣняя. Ничего не измѣнитъ и раздѣлъ земли, это поднесеніе народному земледѣлію десерта, когда оно голодаетъ.

На всѣхъ просвѣщенныхъ жителяхъ и дѣятеляхъ деревни лежитъ великая задача—съумѣть пропитать наше крестьянство яснымъ и яркимъ сознаніемъ неотложной необходимости въ перестройкѣ своего хозяйственнаго бытія, въ рѣшительномъ порывѣ впередъ, по пути давно уже предъуказанному его старой общиной и неменѣе старой артелью.

Уже и теперь у крестьянъ явилось сознаніе необходимости устройства сельскихъ и волостныхъ земельныхъ комитетовъ, которые принимали-бы помѣщичьи и казенныя земли и вели-бы въ нихъ хозяйство. Именно мѣстное, сельское и волостное самоуправленіе должно заняться этимъ дѣломъ. Веденіе земельнаго хозяйства экономическимъ способомъ, съ устройствомъ артелей и рабочихъ дружинъ, только и можетъ поднять наше земледѣліе и правильно его поставить. Только оно можетъ сдѣлать земледѣльческую работу дѣйствительно доступной всякому желающему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечить справедливость и трудовую уравнительность въ пользованіи ея плодами.

Весьма существенно для успѣха земельной реформы, чтобы, при соединеніи крестьянскихъ хозяйствъ въ коопе-

ративныя имѣнія, въ то-же время земли новаго, дополнительнаго надѣленія ни въ коемъ случаѣ не поступали ни въ раздѣлъ, ни въ отдѣльную собственность отдѣльныхъ крестьянскихъ обществъ, но были переданы въ общественное волостное управленіе, какъ общенародное достояніе, для веденія на нихъ хозяйства на кооперативныхъ началахъ. Иначе онѣ станутъ достояніемъ не земледѣльческаго труда, а только отдѣльныхъ лицъ, физическихъ или юридическихъ, что въ концѣ концовъ приведетъ только къ новому разслоенію населенія и новому росту поземельнаго деревенскаго капитализма и пролетаріата. Было-бы весьма близоруко думать, что раздѣлъ новыхъ земель или передача ихъ въ собственность общинъ послужили-бы подготовкой грядущей соціализаціи земли. Наоборотъ—это было бы только новымъ приготовленіемъ новаго, усиленнаго роста земельнаго кулачества.

Общинные порядки въ своемъ устарѣломъ видѣ уже доказали, что они нетолько обходятся слишкомъ дорого и невыгодны для народнаго хозяйства, но еще и очень плохо обезпечиваютъ справедливость и уравнительность. При нихъ довольно быстро развивается и обезземеленіе однихъ, и чрезмѣрное усиленіе другихъ крестьянъ. Такое неравенство уже установилось и достаточно окрѣпло. При новомъ раздѣлѣ земли, при новомъ надѣленіи землею сельскихъ обществъ и ихъ членовъ, въ томъ числѣ и слабохозяйныхъ и совсѣмъ безземельныхъ, положеніе различныхъ крестьянъ на самомъ дѣлѣ нетолько не уравняется, но еще больше разойдется. Такой раздѣлъ окажется выгоднымъ въ концѣ концовъ только для наиболѣе „исправныхъ" и окрѣпшихъ хозяевъ. Они окрѣпнутъ и усилятся еще больше, а другіе еще болѣе ослабнутъ. Уже и теперь многіе крестьяне на самомъ дѣлѣ не справляются со своими надѣлами и вынуждены переуступать ихъ въ пользованіе другимъ. При новомъ надѣленіи это еще усилится. Слабымъ хозяевамъ, не имѣющимъ ни достаточнаго скота, ни сносныхъ орудій, справиться съ дополнительной землей окажется тѣмъ болѣе не подъ силу. Этой землей воспользуются тѣ, кто и безъ того сильнѣе другихъ. Только тогда,

когда большое, общее, правильно поставленное хозяйство будутъ вести сельскіе и волостные земельные комитеты, земля станетъ дѣйствительно общей, и каждый работникъ получитъ дѣйствительно то, что ему слѣдуетъ. Только при такомъ порядкѣ станетъ невозможнымъ и то, что иногда случается: что, порою, постоянный работникъ, живущій у помѣщика, зарабатываетъ больше и живетъ лучше, чѣмъ иной самостоятельный хозяинъ - общинникъ, какъ будто доказывающій, что для самихъ крестьянъ иной разъ помѣщичье землевладѣніе выгоднѣе, чѣмъ собственное крестьянское.

Такое переустройство крестьянскаго землепользованія, разумѣется, было-бы цѣлымъ переворотомъ въ жизни русскаго народа и едва-ли оно скоро возможно въ широкой мѣрѣ. Тѣмъ болѣе, что крестьянское хозяйство въ различныхъ губерніяхъ сложилось очень разнообразно, и во многихъ мѣстахъ крестьяне успѣли очень укрѣпиться въ привычкѣ къ своему маленькому собственному хозяйству. Такъ, напр., въ Малороссіи. Поэтому въ движеніи къ правильному переустройству народнаго земельнаго хозяйства необходимы весьма разнообразныя мѣропріятія. Очень хорошо объ этомъ говорилъ въ своемъ докладѣ докладчикъ по аграрному вопросу на третьемъ всероссійскомъ съѣздѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, Ракитниковъ. По его мнѣнію, слѣдовало-бы начать съ того, чтобы всѣ пахотныя земли землевладѣльцевъ, не обрабатываемыя ихъ рабочими силами и ихъ инвентаремъ, а сдаваемыя въ аренду, передать въ распоряженіе волостныхъ земельныхъ комитетовъ, причемъ лучше всего, чтобы волостные комитеты сами или черезъ посредство сельскихъ комитетовъ устроили на такихъ земляхъ общественное хозяйство. Остальныя земли, поступившія въ распоряженіе волостныхъ комитетовъ, должны распредѣляться ими между селами сообразно ихъ нуждѣ въ землѣ и растоянію. Сельскіе-же комитеты, распредѣляя арендную землю между хозяевами, должны стараться по возможности соединять слабыя хозяйства въ артели и вводить артельную обработку земли. Точно также, волостные комитеты должны получить право распорядиться

для общественнаго хозяйства тѣми орудіями, машинами и рабочимъ скотомъ частныхъ владѣльцевъ, которые остаются ими не использованными. Волостные комитеты должны принять на себя посредничество въ дѣлѣ пріобрѣтенія нуждающимися домохозяевами у землевладѣльцевъ лишняго для нихъ рабочаго скота, машинъ и орудій, а также и земли, чтобы не допускать вздутыхъ спекулятивныхъ цѣнъ. Слѣдуетъ также устраивать земледѣльческія артели для пріобрѣтенія или взятія на прокатъ, сообща, сельскохозяйственныхъ орудій, машинъ и рабочаго скота. Но вмѣстѣ съ тѣмъ волостные комитеты должны слѣдить и за тѣмъ, чтобы культурныя хозяйства, питомники и т. п. не разорялись и не обезцѣнивались и чтобы зря не теряли свой инвентарь и рабочій скотъ. Тѣ высоко-культурныя хозяйства, которымъ угрожаетъ такое уничтоженіе или обезцѣненіе, должны поступать въ непосредственное завѣдываніе комитетовъ.

Что касается отношеній между крестьянами общинниками и отрубщиками, то, по мнѣнію докладчика соціалъ-революціоннаго съѣзда, эти отношенія нельзя повсюду налаживать по одной мѣркѣ. Надо примѣняться къ мѣстностямъ и условіямъ. Само по себѣ сохраненіе отрубовъ и хуторовъ, не превышающихъ трудовой мѣры, совершенно возможно и къ тому-же предупредитъ естественное раздраженіе и озлобленіе тѣхъ хуторянъ и отрубщиковъ, которые дорожатъ своими участками, стоившими имъ немало денегъ и усиленнаго труда на ихъ устройство и улучшеніе. Тамъ, гдѣ крестьяне-собственники живутъ на своихъ участкахъ и другой земли не имѣютъ, можно предоставить ихъ доброй волѣ соединять свои участки въ общія большія хозяйства. Тамъ-же, гдѣ отрубщики сдаютъ свои участки въ аренду, съ отрубами можно поступать какъ со всѣми частновладѣльческими землями. Въ различныхъ случаяхъ могутъ быть примѣняемы и другія мѣры, сообразно съ особенностями каждаго случая. Должны быть постепенно выработаны планы разселенія и выселенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля распредѣлена слишкомъ неравномѣрно и земельная тѣснота слишкомъ даетъ себя чувствовать.

Таковы, по мысли докладчика, необходимыя первоначальныя мѣры для подготовки новаго устройства землепользованія. Ихъ, конечно, слѣдуетъ дополнить и другими, болѣе широкими мѣрами. Нужны заботы о правильномъ и выгодномъ сбытѣ земледѣльческихъ продуктовъ, о введеніи большаго разнообразія въ сельскохозяйственное производство, о развитіи огородной и другихъ интенсивныхъ культуръ, объ использованіи парового поля, которое одно сразу увеличитъ пахотную землю на цѣлую треть, т. е. прибавитъ къ доходному полю сразу свыше сорока пяти милліоновъ десятинъ, больше чѣмъ все пространство дворянскихъ владѣній, и т. д. Наконецъ, необходимо принять мѣры къ быстрому развитію другихъ промысловъ, которые отвлекали-бы отъ земли лишнія руки; одними только поземельными мѣропріятіями земельной тѣсноты не уничтожить, и нужны еще и общія мѣры. Это видно изъ того, что Россія—самая просторная изъ всѣхъ странъ, а земельную тѣсноту чувствуетъ больше всѣхъ.

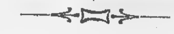
Если раздѣлъ земли произвести необдуманно и неосторожно, онъ можетъ нетолько не подвинуть Россію впередъ, къ лучшему свѣтлому будущему, къ общему достатку, къ правдѣ и соціальной справедливости, но напротивъ—только отбросить ее назадъ, къ пережитому и отжитому, временно задержать и замедлить ея развитіе, только затѣмъ, чтобы мало по малу жизнь опять вошла въ прежнюю колею и, претерпѣвъ временное замѣшательство, опять вернула ходъ вещей къ прежнему положенію. Сколько ни отмѣняй собственность на землю, пока не замѣнишь ее ничѣмъ новымъ, болѣе вѣрнымъ и прочнымъ,—она непремѣнно вернется обратно, и очень скоро.

Если обновлять нашу жизнь, то такъ, чтобы были заложены дѣйствительно прочныя начала грядущаго расцвѣта. А для этого надо идти не къ прошлому, не къ исчезающей народной темнотѣ привычекъ, понятій и страстей, а къ будущему, по указаніямъ ума и знанія. Теперь имъ должно принадлежать слово. Теперь они должны вести насъ впередъ.

Желающіе тщательнѣе ознакомиться съ положеніемъ Земельнаго вопроса въ Россіи найдутъ хорошія пособія къ его изученію въ слѣдующихъ источникахъ и литературѣ:

Аграрный вопросъ и кооперація. Сборникъ Спб. 1906 г.
Аграрный вопросъ. Изд. Долгорукова и Петрункевича Москва 1905 г.
Анцыферовъ. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ.
Бѣлочкинъ И. Земля и Воля Трудовому Народу.
Брендстедъ Левъ. Какъ закрѣпить землю за народомъ.
Бухенбергеръ. Основныя вопросы сельскохозяйственной экономіи и политики.
Брилліантовъ В. Вся земля—только трудовому крестьянству. Гельсингфорсъ 1917 г.
Вихляевъ П. Какъ уровнять пользованіе землею.
Васильчиковъ А. И. Землевладѣнія и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ.
Гертцъ. Аграрные вопросы въ связи съ соціализмомъ.
Гольцъ. Аграрный вопросъ и огрaрная политика.
Гайдебуровъ В. П. Земля для земледѣльцевъ.
Ежегодникъ. Министерство земледѣлія.
Ермоловъ. Нашъ земельный вопросъ.
Закъ. Статистическій ежегодникъ соціально-политическихъ таблицъ.
Землевладѣніе и сельское хозяйство. Изд. Водовозовой Спб. 1901 г,
Катковъ. Проф. В. Д. Очерки статистики экономической и культурной. Одесса 1912 г.
Кауфманъ. Сборникъ статей. Москва 1915 г.
" Аграрный вопросъ. Москва 1908 г.
Кржживицкій Л. Аграрный вопросъ.
Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи.
Каутскій. Соціализмъ и сельское хозяйство.
" Аграрный вопросъ.
Иверновъ. Основы Землеустроительнаго дѣла. Москва 1915 г.
Краинскій В. Община и Кооперація.
Каратыгинъ. Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ.
Лахтинъ. Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Спб. 1901.
Лосицкій. Распаденіе общины.
Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Изд. Д-та окладныхъ сборовъ.

Масловъ Петръ. Аграрный вопросъ въ Россіи. Два тома.
» » условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи.
» » Обоснованіе земельнаго закона. Москва 1917 г.
» » Политическія Партіи и земельный вопросъ.
» » Что дѣлать съ землей.
Морачевскій В. В. Земледѣльческій центръ и югъ Россіи.
» » Юго-востокъ Европейской Россіи.
Мичулинъ. Аграрный вопросъ. Харьковъ 1906 г.
Макаровъ Н. Крестьянское хозяйство и его интересы.
Огановскій Н. Прошлое и настоящее земельнаго вопроса.
» Земельный вопросъ и земельная политика.
» Закономѣрность аграрной эволюціи. Три тома.
Петрашкевичъ Ст. Община и земельный вопросъ.
Пѣшехоновъ А. В. Національзація земли.
Прокоповичъ. Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства.
Статистическій справочникъ по аграрному вопросу, изд. „универсальной. Библіотеки".
Статистическій Ежегодникъ.
Смитъ Г. Лучшія системы организаціи земледѣльческой коопераціи Спб. 1910 г.
Сириновъ. Очерки по аграрной статистикѣ. Два тома.
Сичовъ И. Народъ и земля.
Цвѣткова В. Какъ лучше распредѣлить землю,
Чупровъ. Крестьянскій вопросъ,
Чаяновъ А. Что такое Аграрный вопросъ.
Черновъ В. Марксизмъ и аграрный вопросъ. Спб. 1906. г.
» Аграрный вопросъ и современный моментъ.
» Земельный вопросъ.
» Бесѣды о землѣ.
Черновъ. Проектъ основныхъ положеній земельнаго закона.
Шиманскій. Сельская кооперація въ Россіи. Спб. 1911 г.
Южаковъ С. Аграрный вопросъ въ Россіи Птг. 1917 г.
Яснопольскій Л. Н. Статистика. Экономическія очерки. К. 1913 г.
Туганъ-Барановскій. Основы Политической экономіи.
Турутинъ. О значеніи и дѣятельности Крестьянскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ. Курганъ 1903 г.
Тотоміанцъ. Сельскохозяйственная кооперація.
Финъ-Енотаевскій. Современное хозяйство Россіи. Петербургъ 1911 г.

Книгоиздательство Кооперативн. Союзовъ „**Кооперація**",
Петроградъ, Литейный 49, кв. 8.—Тел. 168-11.
1917.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1917 г.

на ежемѣсячный,

посвященный вопросамъ теоріи и практики кооперативн. дѣла въ Россіи и за границей, журналъ

„Вѣстникъ Коопераціи“,

(Девятый годъ изданія)

органъ Петроградскаго Отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберегат. и промышленныхъ товариществахъ подъ редакціей проф. М. И. Туганъ-Барановскаго.

„Вѣстникъ Коопераціи“ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа,—отдѣльными книжками.

Цѣль журнала—выясненіе теоретическихъ и практическихъ вопросовъ всѣхъ формъ кооперативнаго движенія, а также систематизированіе и опубликованіе важнѣйшихъ матеріаловъ по исторіи и практикѣ кооперативнаго движенія въ Россіи и за границей.

Подписная цѣна:

Въ Россіи: на годъ *8* р., на полгода *4* р. *50* к., отдѣльная книжка *1* р.

За границу: на годъ *9* р., на полгода *5* р.

Народныя учителя имѣютъ скидку въ 25%.

Издательское Т-во Кооперативныхъ Союзовъ „Кооперація“ Литейный пр. 49, кв. 8. т. 168-11.

Принимается подписка на кооперативный популярно общественный журналъ

„ПЕТРОГРАДСКІЙ КООПЕРАТОРЪ“.

предназначенный для обслуживанія Петроградской Кооперативной Области.

Журналъ выходитъ еженедѣльно.

Подписка принимается на годъ и на полгода.

Цѣна на годъ (48 №№)—6 руб., а на полгода (24 №№)—3 рубля.

Пробный № высылается безплатно.

Цѣна отдѣльнаго № 15 коп.

При выпискѣ отдѣльныхъ №№ свыше 20 экз. уплачивается по 12 коп. за экземпляръ.

Редакціонная коллегія состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

В. И. Волынкинъ отвѣтственный редакторъ, *К. Э. Лапьеръ, А. П. Омельченко, Н. И. Селицкій* секретарь, *Н. П. Смертинъ* и *Н. В. Чайковскій.*

Редакція: Петроградъ, Лиговская ул., д. 130, ком. 31-33. Телефонъ 540-50.

Издательское Товарищество Кооперативныхъ Союзовъ

„КООПЕРАЦІЯ".

КОНТОРА: Литейный, 49. кв. 8. тел. 168-11.
МАГАЗИНЪ: Литейный, 53ª (Литейный Пассажъ).

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

К. А Башкировъ. Какъ укрѣпить потребительскіе кооперативы.

Л. М. Брендстедъ. Задачи городской кооперации.

Его-же Краткое руководство по счетоводству въ потребительскихъ обществахъ.

В. П. Гайдебуровъ. Земельная тѣснота, раздѣлъ земли и кооперація.

Его-же Социальная природа прибыли (къ теоріи кооперации)

А. А. Исаевъ. Кооперативный законъ. Правила регистраціи кооперативовъ. Примѣрные уставы.

Э. Н. Левинъ. Кооперативъ, какъ потребительное хозяйство (Критическій Этюдъ.)

К. И. Морозовъ. Соціализмъ и кооперація. (Къ вопросу объ эмпирическ. предпосылкахъ соціалистическ. государства).

К. А. Пажитновъ Исторія кооперативной мысли.

В. Ф. Пекарскій. Нормальная экономика (теорія потребительской кооперации).

Его-же Къ вопросу о нашей экономической политикѣ въ связи съ коопераціей (Программа практич. соціалист. работы).

В. Ф. Тотоміанцъ. Кооперація и другія соціальныя движенія.

Туганъ-Барановскій. Соціализмъ, какъ положительное ученіе.

М. Л. Хейсинъ. Письма къ потребителямъ. Новое переработанное изданіе.

Нормальный уставъ Общества потребителей.

Уставъ Союза Потребительскихъ товариществъ.

